

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

АННА КАЛИНКИНА
ХОЗЯИН ЯУЗЫ

FUTURE CORP.

Метро

Анна Калининна

Метро 2033. Хозяин Яузы

«АСТ»

2014

Калинкина А. В.

Метро 2033. Хозяин Яузы / А. В. Калинкина — «АСТ»,
2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-085901-6

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Много страшного и непонятного окружает выжившего в Москве 2033 года. Скалится из непроглядного мрака туннелей метрополитена. Поджидает среди скрытых в джунглях нового мира руин. Но среди сотен леденящих кровь баек, которые так любят рассказывать у вечерних костров, есть одна. Особенная. Про жуткого монстра, который обитает в водах Яузы. Говорят, что когда он проголодается, то выбирает себе жертву и посылает ей зов, неслышимый более никому. И с тех пор несчастный обречен. И не найти ему отныне покоя, пока не найдет он дороги к холодным, мутным водам реки...

ISBN 978-5-17-085901-6

© Калинкина А. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Калинкина

Метро 2033. Хозяин Яузы

© Д.А. Глуховский, 2014

© А.В. Калинкина, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Поезд-призрак

Рельсы. Шпалы, шпалы, шпалы. Тусклые лампочки под потолком туннеля почти не освещают путь. Двое идущих отбрасывают длинные тени. Те начинают жить своей жизнью, беспорядочно мечутся, словно пытаясь убежать. А может, наоборот – наброситься? А может, это уже не тени? Так вот откуда взялось выражение «бояться собственной тени».

Что там валяется сбоку у стены? Тряпье какое-то, что ли? Запах уж больно противный. Ой, оно шевелится! Да нет, это просто крыса. И не одна. Что их здесь привлекло? Догадаться нетрудно – это не просто тряпье, это чьи-то бранные останки.

Брось, не смотри. Чего ты там не видел? Не все ли тебе равно, отчего он умер, этот неизвестный? Тоже мне, Шерлок Холмс нашелся. Или думаешь, что это кто-то из знакомых? Скорее всего, бомж какой-нибудь, у нас на станции вроде за последние несколько дней никто не пропал. Хотя кто его знает?

Впрочем, ты прав – лучше посмотреть. Знаешь, я слышал, что она снова объявилась тут. А если так, то лучше бы знать об этом заранее и не ходить по одному, потому что кому же хочется быть найденным с перерезанным горлом, с отрезанным ухом и отрубленным мизинцем. Говорят, она всегда отрезает своим жертвам ухо и мизинец. Что, руки объели крысы? Тогда голову осмотри. И нечего огрызаться – ты же сам за это взялся. Оставил бы мертвого гнить спокойно, так нет, тебе посмотреть захотелось. Тогда уж и уши проверь – оба ли на месте?

Как – не получится проверить? Нет уж, назвался груздем, так не чирикай. Что тебе стоит голову осмотреть? Ну как? Не хватает уха? Говори громче, я не понял? Вообще нет головы?

Слушай, пойдем скорее. Если тут морлоки поработали, это еще хуже. С отрезанным ухом валяться обидно, но если эти твари нас догонят, то одни косточки оставят – потом и не узнает никто. Слышишь, сзади какой-то шорох?.. Ну тя к черту! Ты как хочешь, а я побежал...

* * *

Ждать пришлось долго, но терпения Федору было не занимать. И он дождался. Сначала был свет в туннеле. Затем – нарастающий грохот. И наконец, показался поезд. Проезжая вдоль платформы, он постепенно снижал скорость. Федор на всякий случай сделал шаг назад, его обдало теплым ветром, в котором ощущался запах нагретой смазки и чего-то кислого. «Повеяло ароматом туннелей», – подумал Федор. Поезд затормозил. Но света в вагонах не было, не видно было и пассажиров. Двери медленно начали открываться, Федор сделал было шаг вперед – и замер. За разъезжающимися створками оказалась чернота, в которой кто-то был. Невидимка притаился в вагоне, подкарауливая его. «Я так долго ждал, когда придет этот поезд, – подумал Федор. – Я должен успеть». Но ноги словно приросли к полу. «Туда нельзя, а то плохо будет», – шепнул инстинкт. «Если упустишь этот, следующего можешь не дожидаться», – твердил рассудок. И Федор непослушными ногами сделал шаг, другой, чувствуя, как липкий пот стекает у него по спине. И вновь застыл на месте, не в силах решиться. В вагоне раздался какой-то шорох, или это ему показалось? Застыл состав на рельсах, застыл человек на платформе в безмолвном ожидании. Но наконец, словно у невидимого машиниста лопнуло терпение, створки дверей со стуком сошлись, и поезд тронулся с места, быстро набирая скорость. «Стой», – закричал, опомнившись, Федор. Но поезд уже скрылся в туннеле. А он остался один, теперь уже навсегда. Единственный шанс был бездарно упущен. «Если бы я успел, я мог бы узнать... Да, но не слишком ли велика цена? Но что толку теперь об этом думать – поздно. Я струсил, я не успел на поезд. Другого не будет».

И тут Федор проснулся. Во рту пересохло, он весь был в поту. Рядом тут же пошевелилась Вера, уловив его движение.

– Чего ты? – спросила она. – Ты опять кричал ночью. Снова тот сон, да?

– Попить дай, – велел он. Вера тут же сунула ему пластиковую бутылку с водой – та была невкусной, теплой, отдавала ржавчиной. В палатке было душно.

– Федя, – жалобно позвала она, приподнявшись на локте, разглядывая его в полутьме. – Не ходил бы ты никуда на этот раз. Предчувствие у меня.

– Какое, к черту, предчувствие? – буркнул Федор.

Очень не любил он этих ее глупостей. Возможно, потому, что в глубине души и сам был немного суеверным. Да еще опять этот проклятый сон! Поезд был его навязчивым кошмаром. Он почти никому не рассказывал об этом, но Вера знала. Она думала, что Федор еще в детстве, наверное, наслушался баек про поезд-призрак, которые рассказывали в метро чуть ли не на каждой станции. А может, чуть не попал под дрезину. Как бы там ни было, сон этот Федор видел время от времени – и каждый раз, как правило, вскоре после этого случалась с ним какая-нибудь гадость. Хотя вполне возможно, что связь между сном и невезухой существовала только в его воображении, потому Федор старался дурным мыслям воли не давать и Верины причитания тоже слушать не любил. Впрочем, предчувствия появлялись у Веры чуть ли не перед каждым его уходом.

Сон был таким отчетливым, что Федор помнил даже запахи оттуда, даже ощущение теплого дуновения на лице. Может быть, то были какие-то детские воспоминания двадцатилетней давности – в те далекие времена настоящие поезда в подземке еще ходили регулярно, метро работало как отлаженный механизм и сбои случались редко. Но после Катастрофы оно превратилось в убежище для остатков населения огромного города, что потихоньку разрушался наверху. Поезда навсегда застыли – на путях, в депо. Некоторые из них растащили по частям для хозяйственных нужд. И лишь дрезины иногда носились от станции к станции, перевозя пассажиров и грузы.

Большие черные глаза Веры налились слезами – он не столько видел это в полутьме, сколько догадывался. Федор раздраженно хмыкнул. Вера откинула с лица спутанные черные волосы, потянувшись поцеловать – он поморщился.

– Ну полно тебе, сколько раз ты уже это говорила – и все нормально было. Чего ты меня хоронишь заранее, – тут новая мысль пришла ему в голову: – Ты это, знаешь что, – пробормотал Федор, отхлебнув воды из бутылки и промочив рубаху на груди, – если я не вернусь, отдай Рыжему мое ружье – я ему обещал.

– Да что ты несешь-то? – вскинулась тут же Вера.

– Да черт его знает, муторно мне как-то, – пробормотал Федор. – Так отдашь ружье-то? Видно было, что Вера хотела возразить, но пересилила себя.

– Как скажешь, Феденька, – женщина прижалась к нему, потерлась носом о плечо. – А лучше б ты остался. Что ж со мной будет, если не вернешься?

– Другого себе найдешь. Ну ладно, шучу, шучу, – фыркнул он, уловив ее негодующее движение. – Да только если баб слушать, пришлось бы так и сидеть на одном месте. Ты что, хочешь, чтоб я совсем от скуки загнулся тут?

– Да что ж ты меня так мучаешь? Знаешь ведь – не нужен мне никто другой.

Это было похоже на правду и это было странно. Вера действительно пристала к нему («Прилипла, как смола к подошве», – подумал Федор), то и дело уверяла его, что он – ее последняя любовь. Может, оттого и прикипела так – чувствовала, что ее время стремительно уходит. Готова была обихаживать его и баловать – лишь бы остался с ней.

Федор появился на Китай-городе пару лет назад и сначала вовсе не думал, что задержится здесь надолго. Ему больше хотелось бы осесть на одной из кольцевых станций, стать гражданином содружества Ганзы. Но богатевшая благодаря выгодному положению Ганза вовсе не стремилась принимать чужаков – получить там постоянную прописку было очень трудно. В Полис, государство, расположившееся на «Библиотеке им. Ленина» и соединенных с ней переходами станциях, где заправляли военные-кшатрии и ученые-брамины, ему отчего-то не хотелось. Федор считал, что там не сможет развернуться, – там прежде всего ценились знания, книги, а в них Федор разбираться не умел, хотя слышал, что некоторые сталкеры этим промышляли (взять хоть легендарного Бумажника, сокращенно – Бума). Но для Федора тайной было, почему за одну неказистую с виду книжонку кшатрии готовы отвалить немерено патронов, а на другую, толстую, хорошо сохранившуюся, в красивой обложке, только глянут пренебрежительно и качают головами – в топку, мол.

Четвертый Рейх, занимавший Тверскую, Пушкинскую и Чеховскую, ему и подавно не подходил – Федор в политику предпочитал вообще не соваться. Оставались небольшие конфедерации где-нибудь к центру поближе. А на Китай-город, где к власти пришли бандиты, занесло Федора случайно, и жить здесь он не планировал сначала. Но потом задержался – из-за Веры.

Впрочем, тогда звали ее Венера, и жила она с одним из охранников, здоровенным мужчиной по кличке Кабан. Федор вовсе не собирался отбивать ее у сожителя, но Вера, услышав пару раз, как вечерами он поет у костра песни, сама принялась то и дело крутиться вокруг него. Сожитель ее все видел и страдал молча. В огромном теле таилась, как оказалось, мягкая и сентиментальная душа – другой бы поколотил пару раз неверную подружку, а этот только вздыхал. И когда Вера стала жить с Федором, Кабан пытался воздействовать на нее лишь уговорами. Федор не раз замечал, как мужик, встретившись с ним взглядом, сжимал тяжеленные кулачищи, но тут же отводил глаза. Видимо, он ничем не хотел огорчать любимую женщину и надеялся, что если будет терпелив, когда-нибудь она поймет свою ошибку и вернется к нему.

«А если я не вернусь, ружье-то, небось, не отдаст Верка Рыжему, пожадничает, его ведь хорошо продать можно», – подумал Федор, но тут же устыдился. Вполне возможно, что Вера, наоборот, свято выполнит его волю – размякнет, разнюнится, вспомнит, что это его последняя просьба была.

У Федора ее чувства особого умиления не вызывали – сам он считал, что любить его особо не за что, поэтому слегка презирал Веру за то, что так к нему прикипела. Ну, и себя заодно – за то, что позволял ей обожать себя, не испытывая к ней особой привязанности, а просто потому, что так было удобнее. Всегда сыт, обстиран, и баба под боком, каждое слово твое ловит, в рот заглядывает – разве плохо?

Один из местных как-то по пьяному делу рассказал Федору, что в прошлом Вера была обыкновенной проституткой, каких много на Китай-городе. Обычно проститутки годам к двадцати пяти выходили в тираж, и большинство из них, как правило, спивалось. А она сумела так себя поставить, что с ней считались. Смогла как-то подняться, завела свою торговлю и в результате к своим тридцати с небольшим жила вполне неплохо. Федор старался не думать, кому Вера этим обязана – женщине трудно чего-то добиться без сильного покровителя. Слухи разные ходили, но болтать много боялись. Большинство местных уважало Веру за мозги и за твердый характер, за деловую хватку. Сколько ей лет на самом деле, никто не знал, Федор подозревал, что она даже старше, чем в паспорте было указано. По меркам метро – уже почти старуха, но выглядела она на удивление хорошо: большие темные глаза с поволокой, на лице почти нет морщин. Свои черные волосы она, наверное, чем-то подкрашивала, он не вникал, но седины у нее не было. И только взгляд выдавал – тяжелый, циничный взгляд пожившей тетки,

всякое повидавшей на своем веку. Когда этот взгляд останавливался на Федоре, в глазах Веры появлялось обожание, и это, по его мнению, ужасно ей не шло.

Федор старался не думать о ее прошлом. Вера уверяла, клялась, что он у нее третий, и он делал вид, что верит. На самом деле ему было безразлично – ну, может, испытывал легкую брезгливость, и только. В конце концов, и сам не ангел. С ней было удобно еще и потому, что на станции она была своя. Он, пришлый, никому не был нужен, его в лучшем случае терпели тут, но, живя с Верой, он и сам отчасти становился своим для них. Вот только терпеть он не мог этого ее имени – Венера, похожего на кличку, сразу напоминавшего о борделе – наверняка сама себе его придумала. И стал звать ее Верой. Скорее всего было у нее когда-то простое, обычное имя, которое мать дала ей при рождении, но Федора это не интересовало.

– Венера! – раздался грубый голос снаружи. – Куда хабар складывать?

– Сейчас, сейчас, – встрепелась Вера, моментально натянула на себя пестрое платье, пригладила волосы и шустро полезла наружу. Мигом все предчувствия вылетели у нее из головы. Сталкеры вернулись с добычей, и надо было принять товар – осмотреть, оценить, расплатиться.

– Началось в колхозе утро, – вздохнул Федор, вспомнив любимую поговорку одного из местных старожилов. Потягиваясь, выбрался из палатки на станцию.

Было еще рано, но на Китай-городе уже стоял шум и гомон, хотя большинство девок и сутенеров еще не проснулись после вчерашнего. Станция была ярко освещена – в центре зала сияла большая лампа, и еще несколько обычных лампочек свисали на проводах здесь и там. Станционный зал не поражал оригинальностью отделки – на других, например, на Новокузнецкой, было куда интереснее. С другой стороны, там Федор всегда чувствовал себя неудобно, как будто тени неведомых строителей, что вытесали из камня затейливые скамейки, светильники и колонны, до сих пор витали где-то поблизости. Да и вообще нехорошие там были места – совсем рядом Мертвый перегон, о котором ходили самые жуткие слухи. Другое дело – на Китае: все просто, массивные светлые колонны, никаких лишних завитушек, зал тоже выдержан в светлых тонах.

Зато обитатели станции являли собой картину пеструю и живописную. Девки в ярких платьях, стриженные братки, пришлый люд в самых разнообразных костюмах, кто во что горазд, нищие в живописных лохмотьях. У кого-то всей одежды было – потрепанные штаны, зато на голове гордо красовалась замызганная шляпа неизвестно для какой надобности.

Почти вся платформа была забита палатками, некоторые из них служили по совместительству и торговыми лотками, в которых и протекала вся жизнь хозяина: здесь он ел, торговал, спал. Между палатками прохаживались крепкие, коротко стриженные парни в спортивных штанах и кожаных куртках. В переходе на соседнюю станцию находился пост – ее контролировала другая группировка, и тем, кто хотел пройти туда, приходилось платить охранникам.

У Веры было две палатки рядом – в одной они жили, другая служила магазином, где хранился товар и велась торговля. Верины товары охранял Кабан – Федор подозревал, что Вера ему за это не платила. Торговала Вера чаще сама, иногда нанимала девчонок помоложе, но постоянно следила за ними. В деловых вопросах она вообще была достаточно жесткой.

Здесь было шумно, и Федор никак не мог к этому привыкнуть. Все хотел уйти, но не мог решить, куда. «Там хорошо, где нас нет», – философски подумал он. Отправился в кафе на верхней площадке – выпить чаю с утра. Здесь было уютно – под навесом стояли столики и пластиковые стулья, на столиках даже расставлены были искусственные цветы в горшочках.

Федор, прихлебывая чай, рассеянно послушал чужие разговоры – про черных упырей, которые так и лезут незнамо откуда, пытаясь прорваться с поверхности на станцию ВДНХ. Говорят, станция уже еле держится. Федор не очень верил этим слухам – может, их вообще кто-нибудь нарочно распускает. С другой стороны, нет дыма без огня, на всякий случай нужно быть

настороже. Но от них до ВДНХ еще чуть ли не полметра, так что пока можно чувствовать себя в относительной безопасности. А кто-то вроде бы опять видел поблизости Кошку, неуловимую убийцу, отрезавшую, по слухам, своим жертвам ухо и мизинец в память о том, как надругались над ней самой. Отчаянная мстительница наводила ужас на китайгородских. Федор хмыкнул – у страха глаза велики. Если принять во внимание, сколько человек уже видели Кошку, получалось, что она может одновременно быть в самых разных местах. Да и еще странность тут есть – если она такая уж опасная убийца, как же те, кто ее видел, остались в живых? Выдумывают, ох выдумывают люди – у страха глаза велики. В темном туннеле и обычная тетка-челночница может сойти за призрак из преисподней.

Федор еще не жил на Китай-городе постоянно, когда Кошка вышла на тропу войны, он сюда разве что заглядывал по делам иногда, ну, и с Верой водил знакомство. А уже потом, когда весь этот ужас случился, когда троих нашли зарезанными прямо на станции, припомнил, что, кажется, видел раньше девчонку – она убиралась в палатке у Веры. Но разве будешь обращать внимание на худенькую, невзрачную, бледную оборванку? Мутанты не вызывали у него особого интереса, ему бы в голову не пришло разглядывать ее шестипалую ладонь или просить, чтоб показала мохнатое ухо. Но и дразнить он ее не пытался – и так существо судьбой обиженное, чего уж добавлять еще. К тому же Федор вообще старался на всякий случай со всеми ладить, не наживать врагов. Поэтому страха перед Кошкой особого он не испытывал, в отличие от многих других на станции. Был уверен почему-то, что мстительница, случись ей встретить его где-нибудь в темном туннеле один на один, убивать его не станет, отпустит с миром.

Он вышел и спустился обратно на станцию. Навстречу ему попался Леха Фейсконтроль, ощупал пристальным взглядом. За этот взгляд он и получил свое прозвище – тому, на кого он долго смотрел, быстро становилось неуютно, человек начинал лихорадочно соображать – нет ли за ним каких-нибудь грешков. Физиономия у Лехи была с утра опухшей, глаза превратились в щелочки. Сероватые волосы слипшимися прядями падали на плечи, тренировочные штаны пузырились на коленях, кожаная куртка была накинута на одно плечо.

«Почему он волосы не стрижет?» – подумал Федор. Сам он предпочитал короткую стрижку, так легче было избавляться от вшей. Многие девчонки неплохо умели стричь, а он за это баловал их маленькими подарками. Вера косилась ревниво, но самой ей искусство стрижки никак не давалось – приходилось мириться с тем, что другая красотка наклоняется над Федей с ножницами в руках, не упуская случая пошутить или, словно невзначай, потрепать нежно по волосам. Федор пользовался успехом у здешних девочек, наверное, потому, что отличался от типичных здешних обитателей – хамоватых, пропахших брагой, несдержанных на язык и чуть что распускающих руки.

Леха, пробуравив Федора взглядом насквозь, решил все же сменить гнев на милость.

– Венерка говорит, ты на Ганзу собрался? – вполне дружелюбно поинтересовался он.

– Ага, надо кое с кем перетереть, – неопределенно ответил Федор.

– Ты это, узнал бы, почем им там нынче кожаные куртки с Динамо привозят, – попросил Леха. – А то мне тут предлагал хмырь один за двести патронов, да сомнения у меня, лохануться не хочу. Может, дешевле можно взять.

– Легко, – пообещал Федор, который уже знал, что Леха себе на уме и малость скуповат. За спрос патронов не берут, как говорится, а с Лехой лучше было не портить отношения. Федор вспомнил, что про Леху рассказывали – он вроде дружбу водил с Кошкой, пока не приключилась эта жуткая история, и та не ушла с Китай-города.

«Интересно, – подумал он, – как же те бандиты, что с ней такое сотворили, не побоялись Леху?» А может, это, наоборот, и проделано было для того, чтобы поставить его на место, показать, что они его вовсе не боятся. Но их уже не спросишь – мертвые ничего не скажут. И разделался с ними, кажется, не Леха, хотя слухи разные ходили. Федору стало жутковато.

В последнее время у Лехи такой странный вид – словно он и не здесь вовсе, смотрит на тебя в упор, а видит что-то свое.

А Леха, прищурившись, спросил:

– Чего за хмырь возле тебя вчера крутился?

– Да так, пришлый один. Просил кое-чего, – буркнул нехотя Федор. Ему не нравилось такое внимание к его делам.

– Смотри. Не по душе он мне. Взгляд у него какой-то нехороший. Мутный тип, – изрек Леха.

Федор выругался про себя. С одной стороны, Леху все знали – он зря не скажет, было мнение, что людей он насквозь видит. С другой – какое ему дело? Федор этого клиента, может, первый и последний раз видит. Сведет с нужным человеком, получит свою мзду – и привет!

И Федор не удержался вдруг, мстительно сказал, как бы между прочим:

– Говорят, Кошка опять где-то поблизости бродит.

Сказал и тут же осекся, жалея, коря себя за болтливый язык. Леха тяжело уставился на Федора.

– И что? – спросил он.

– Да нет я так просто. Разное люди болтают, – смутился тот. И отвернулся было, готовый отойти, но тут услышал Лехин голос. Странный голос, словно тот еле ворочал языком, и каждое слово давалось ему с трудом:

– Она вернется. Помяни мое слово, она еще вернется сюда. Это еще не конец. Не надо было ее трогать.

Федор глянул на него, и мороз пробежал у него по коже. Леха выглядел как покойник: лицо бледное, глаза ввалились, нос заострился. Федор моргнул, и наваждение прошло. Однако ему захотелось поскорее уйти, тем более уже пора было собираться. Он вернулся в палатку, надеясь, что Вера у себя в магазине – торгует. Ничего подобного. Конечно, она стерегла его. Сейчас опять будет ныть, упрашивать остаться.

Но Вера держалась молодцом – помогла ему собраться, сунула с собой еды, словно он уходил на неделю, а не на пару дней. И лишь напоследок кинулась на шею:

– Береги себя, Феденька!

– Ну ладно, ладно, – забормотал он, пытаясь отцепить ее руки.

Лицо ее вдруг стало совсем белым, Вера прижала руку к груди, начала задыхаться.

«Опять эти ее штучки, – с досадой подумал он – а я-то уже надеялся, что обошлось».

Он терпеть не мог бабских истерик. Сейчас скажет, что умирает, и он, если не останется с ней, будет сам себе казаться сволочью последней. А у Верки уже сколько раз так бывало – то побледнеет и задыхаться начинает, то через несколько минут опять бодрая. Ее бы врачу толковому показать, только где ж тут такого найти? Его подруга, с ее-то заработками, могла и в Полис пойти, и в госпиталь на Таганку, но все откладывала, скуповата была. Говорила: «На кого ж я товар оставлю?» Никому по большому счету не доверяла – ни ему, ни Кабану, бывшему сожителю. Ценила того за преданность, но в его умственных способностях, видно, сомневалась. Обратилась только к здешней старухе-знахарке, та поила всякими травками, шептала над Верой непонятные слова. Но толку от того было чуть.

Наконец Вера отдышалась, и хотя была еще бледненькой, но храбро старалась делать вид, что все нормально. И Федор оценил это. Ласково потрепал женщину по волосам:

– Не волнуйся. Через день, в крайнем случае, через два, буду обратно – ты и соскучиться не успеешь.

В эту минуту он искренне верил, что так и будет. И Вера попыталась улыбнуться дрожащими губами.

Глава 2

Смех в туннеле

Клиент дождался его возле блокпоста. Это был невысокий широкоплечий мужик с несоответственно большой головой, лысый, но с реденькой бородкой. Глаза его были серыми, водянистыми, военная форма ладно сидела на нем, выглядел он подтянутым. Взгляд у него, правда, иногда становился отрешенным каким-то – словно есть у него мысль и он ее думает, но ничего зловещего, вопреки словам Лехи, Федор в нем не обнаружил. И то, что клиент не представился по имени, а просил звать его Серым, Федора тоже не смутило: ну, не хочет человек лишний раз светиться – его дела.

Пост представлял собой кучу мешков с песком, образующих завал высотой в человеческий рост. Оставлен был лишь узкий проход, перегородженный калиткой. Охранники – стриженные братки в спортивных костюмах и тапках на босу ногу – как всегда, коротали время, дуясь в карты. Федора они знали – примелькался. На спутника его покосились оценивающе, но ничего не сказали.

Миновав блокпост, Федор и Серый углубились в туннель, ведущий к Таганке. Туннель был сухой, кое-где горели лампочки, но Федор все равно невольно прислушивался – не раздастся ли посторонний звук, означающий присутствие еще кого-нибудь – человека или зверя.

– Слышь, а правду болтают про Мертвый перегон? – спросил вдруг попутчик.

Федор досадливо поморщился. Не любил он разговоров в дороге. Так вот отвлечешься, потеряешь бдительность – тут-то и начнется.

– Что болтают? – неохотно переспросил он.

– Ну, что там людоеды живут?

– Там не только людоеды, – сухо сказал Федор, – там такая дрянь водится, что никому не советую повстречаться.

– А ты там бывал, что ли?

Федор всегда жуткое место обходил стороной, но сознаваться в этом не стал.

– Мало ли где я бывал, – уклончиво сказал он. – Лучше болтать поменьше, а по сторонам глядеть почаще – целей будем.

Серый, видно, понял намек и замолчал, обиженно засопев.

Федор вздохнул облегченно, когда дошли до Таганской-радиальной. На очередном блокпосту у них проверили документы и пропустили на станцию.

Таганская-радиальная не так уж отличалась от Китай-города – была она тоже облицована светлым камнем, массивные четырехугольные пилоны, словно бы опоясанные полосками коричневого мрамора, слегка расширяющиеся вверху, перемежались прямоугольными проемами. Станция не блистала чистотой, мраморная облицовка кое-где отлетела, потолок был закопчен. Был здесь и свой рынок, хоть и поменьше, чем на Китае, а остальную часть станции занимали жилые палатки.

Федор и его спутник, не задерживаясь, прошли в конец, спустились по эскалатору, над которым свисало белое полотнище с коричневым кругом – флаг могущественной Ганзы. Здесь их поджидали сытые пограничники в сером камуфляже. Документы тут проверяли куда более тщательно, долго разглядывали, чуть ли не обнюхивали, и наконец, нехотя вернули, не найдя, к чему придраться. Не напрасно Федор все-таки себе сталкерские корочки оформил, ох, не напрасно. Даже на поверхность пару раз ради этого поднимался, хоть и чувствовал себя там очень неудобно. Дело того стоило – теперь даже на Ганзу, куда попасть было очень сложно, его беспрепятственно пропускали.

У Серого, как оказалось, были такие же корочки, и им, наконец, разрешили пройти. Федор тактично старался не заглядывать краем глаза в документы спутника. Он почувствовал удовлетворение и вместе с тем легкий укол совести: сам-то он знал, что сталкер из него на самом деле никакой. Нет уж, пусть другие, кому жизнь не дорога, рискуют здоровьем и жизнью, выходят на бой с мутантами, упаковавшись в химзу и противогазы, ради неизвестно какой добычи. А ему эта сомнительная романтика не нужна – он лучше будет здесь, в метро, помогать людям решать их проблемы. И пусть те, кто знает, чем он на самом деле зарабатывает, за глаза презрительно кличут его челноком, барыгой – это дело тоже непростое, легким его считают лишь никогда этим не занимавшиеся.

Таганская-кольцевая прямо-таки ослепляла своим великолепием, блеском и чистотой. Не зря, ох не зря так тщательно охраняли вход пограничники Ганзы. На пилонах светлого мрамора выложены целые картины – на голубом поле в круглых рамках портреты героев древности, украшенные цветочками, листочками и еще какими-то штучками. Таганская славилась своим госпиталем, но была здесь и еще одна достопримечательность, привлекавшая посетителей – большую часть станции занимал знаменитый гостиничный комплекс в северной части зала. Два длинных блока, разделенных проходом в центре, состояли из множества одноместных и двухместных кабинок, собранных из разноцветных пластиковых панелей. Были даже четырехместные номера – для тех, кто мог себе это позволить.

– Случалось здесь жить? – спросил Серый.

– Да останавливался как-то, – небрежно бросил Федор.

– Вот охота была, – буркнул Серый. – Пять патронов в сутки – а за что? Стенки-то пластиковые, все слышно. Койки узкие, жесткие, матрасы тонкие. По мне, так баловство одно, только патроны переводить.

– Чудак-человек, – покачал головой Федор. – Ты ж тут платишь не только за койку.

– А за что? – хмыкнул Серый.

– За безопасность, вот за что. Можешь хабар свой в номере бросить и уйти хоть на полдня – никто не тронет. Видал, сколько охранников? Если вора поймают – нужники чистить отправят. Потому что это – Ганза. Тут для тебя расстараятся – только плати. Вот на Китае попробуй, оставь шмотки хоть ненадолго – фиг найдешь потом. Ну, если, конечно, братков знакомых на станции у тебя не имеется – тогда дело другое.

– Это да, – согласился Серый.

«Может, на обратном пути заночую здесь, если устану, – подумал Федор. – Хоть отдохну от Веркиного нытья».

– Теперь на дрезину сядем. Кузьма обещал на Курской нас ждать, – пояснил он Серому. Тот что-то буркнул – видно, до сих пор обижался. Ну и пусть его.

Подъехала дрезина с прицепом, сделанным из обычного вагона, только со снятой крышей, пассажиры начали занимать места.

Сидя в вагоне, Федор снова вспомнил Веру и подумал, что она молодец все-таки. И решил, когда получит свою долю от сделки, купить ей на Ганзе подарок какой-нибудь, мелочь из тех, что бабы любят, – бусики там какие-нибудь, платочек. Принесешь ей какую-нибудь ерунду, а она так радуется. И ведь знает, что дрянь, дешевка, что сама себе может получше купить, но внимание дороже всего – ведь подарок означает, что любимый про нее помнит. Да, и надо будет сказать, чтоб наконец решилась показаться врачам – хотя бы здесь, в госпитале на кольцевой. Федор знал, что она боится – и не только за торговлю свою, за шмотки, будь они неладны. Боится услышать от врачей приговор, что болезнь неизлечима или что придется лечь в госпиталь надолго. А жизнь ведь сейчас такая – стоит только показать слабинку, мигом займут твоё место те, кто здоровее и сильнее. И его, Федора, боится она оставить без присмотра надолго – знает, что не любит он ее всерьез, что может ее возвращения из госпиталя и не

дождаться. Как будто не понимает – мужик, если захочет уйти, так не удержишь его, все равно уйдет – хоть от больной, хоть от здоровой...

Федор одновременно жалел ее и испытывал раздражение. Почему вот сам он не цепляется ни за кого, а она виснет на нем, пытается опутать всякими бабскими штучками, делает вид, что пропадет без его помощи? Даже раз-другой про ребенка заикнулась – этого еще не хватало. Не хочет он ребенка, тем более от нее. Да и какой ребенок, если она вон больная вся? Еще родится мутант какой-нибудь. Ведь даже если не высовываешься на поверхность, нет гарантий, что уберешься от радиации. Многие продукты, что приносят из верхнего города сталкеры, лучше даже не проверять счетчиком Гейгера, чтоб не портить себе нервы. А вода, которую они здесь пьют? Конечно, фильтры очистки стоят, но опять же, скорее, для очистки совести. Вон, говорят, на Киевской шестипалые дети давно не редкость. Вспомнить ту же Кошку – тоже шесть пальцев было на руке, пока лишней не отрубили. Да ладно еще – лишней палец. А может родиться какой-нибудь и вовсе на человека не похожий. Нет уж, надо Верке сказать – пока врачам не покажется, о ребенке и думать нечего.

И Федор облегченно вздохнул, придумав такой удачный выход из положения. Тем более слышал он стороной от кого-то из старух – вроде через пару лет после Катастрофы родился у Верки, тогда еще совсем молоденькой, младенец неизвестно от кого и тут же умер. Может, у нее теперь и вовсе детей быть не может.

Пожалуй, нынешняя жизнь почти всем бы Федора устраивала, если бы не этот гвалт на станции, не стихавший совсем ни днем, ни ночью. Вот жизнь идет, крутишься, все чего-то суетишься – и оглянуться не успеешь, как все кончится. Зачем живет человек? Ради того, чтоб каждый день искать себе еду, беспокоиться о пропитании? Впрочем, у Федора, благодаря Вере, проблем с едой не было, а у тех, кому действительно приходилось каждый день думать, как добыть себе кусок хлеба или мяса, не было времени размышлять о смысле жизни.

* * *

Когда случилась Катастрофа, Федор был еще мал. Он вроде бы смутно помнил просторную полутемную квартиру, где стены были обклеены выцветшей пестрой бумагой, понемногу отстававшей, хмурую высокую темноволосую женщину, которая часто сердилась на него, ругалась, кричала. Иногда к ней присоединялась пожилая – бабка. Мужчин, кроме Федора, в доме не было. В метро, на Соколе, он оказался с бабкой и не в состоянии был понять весь ужас происшедшего. Бабка ему все твердила, что теперь ей и жить незачем, только ради него. Ну вот, ради него она еще и продержалась немного, а потом и бабки не стало, и его взяла к себе одна семья. У них был еще один мальчик, помладше, и Федор вскоре догадался, что взяли его вместо няньки. Кормили скудно, зато заставляли приглядывать за маленьким, помогать готовить, даже стирать. За неповиновение – подзатыльники и урезание и без того мизерного пайка. И когда Федор немного подрос, он предпочел убежать от приемных родителей – надоело быть у них мальчиком на побегушках.

К тому времени Сокол, как и Войковская, переименованная в Гуляй-Поле, оказался под властью анархистов. Не то чтоб Федору так уж не нравились анархисты, скорее, надоело торчать на одном месте, хотелось посмотреть, как в других местах люди живут. Он скитался по разным станциям, мелкими услугами зарабатывая себе на еду. Когда подрос, смазливому парню начали привечать женщины – так он и жил то с одной, то с другой, ни к кому особо не привязываясь. Где он только ни побывал, а в итоге осел на бандитской станции. Федор сначала и здесь не собирался надолго задерживаться, но Вера очень старалась его удержать, и, в общем, ему удобно было с ней жить. Да и дела на Китае можно было делать, хотя иногда он и подумывал, что засиделся здесь. В иные моменты ему даже казалось, что и сам он немногим лучше сутенера. Но Федор старался такие мысли от себя гнать – каждый устраивается как может.

Он и теперь затруднялся бы сказать, чем зарабатывает на жизнь. В принципе мог бы вообще ничего не делать – Венера готова была его кормить и обеспечивать все его потребности, следила за его одеждой, но он предпочитал иметь и свои доходы. Благодаря тому, что на разных станциях успел пожить, были у него в разных местах знакомые, и нередко выступал он посредником в сделках. Допустим, хочет кто-либо приобрести вещь, которую так просто у торговцев не купишь, – оружие или инструмент какой-нибудь редкий, или еще что. А Федор знает человека, у которого такое можно найти. Вот и сводит людей друг с другом, получая за это свою долю. И сам он во время сделки следит, чтобы все прошло как надо.

Вот и Серому нужен был какой-то редкий пистолет. Федор особо не вникал даже – отправил записку с челноками оружейнику Кузьме на Бауманскую. Тот написал, что вещь такую сможет найти, и назначил встречу на Курской через три дня. Ответ его попал к Федору аккуратно накануне назначенной встречи – Федор еле успел предупредить заказчика. И вот они в дороге.

* * *

Курская-кольцевая встретила их ярким светом. На взгляд Федора, она отличалась именно тем, что почти ничем не выделялась – другие станции кольца были гораздо красивее. А эта станция была выдержана в бежевых тонах, не было здесь ни затейливых украшений, как на Новокузнецкой, ни цветной мозаики во всю стену или витражей, как на Новослободской. Хотя Федор смутно ощущал, что простота здесь была более продуманная, чем, к примеру, на Китай-городе, да и камень, которым была отделана станция, – куда интереснее. Колонны, подпиравшие потолок, блестели бесчисленными гранями, дочиستا отмытыми.

Кузьма, как и обещал, ждал их в местной закуской. Это был кряжистый мужик с пронзительным взглядом, с морщинами на лбу, с намечавшейся лысиной, с окладистой бородой, в неброской, но добротной куртке защитного цвета с кожаными заплатками на локтях, поставленными явно умелой женской рукой. Штаны были заправлены в кирзовые сапоги, тоже относительно новые. Другой обуви Кузьма не признавал – разве что менял иногда сапоги на пластиковые тапки. Кузьма с кем-то беседовал, перебрасывался приветствиями – его тут многие знали. Ради знакомства заказали по кружке грибного чая – Кузьма позволял себе брагу только после завершения сделки. Усевшись за исцарапанный белый пластиковый столик, потолковали об обстановке; увидев оружейника, к ним присоединился кто-то из местных. Узнав, что Ганза принимает беженцев с ВДНХ, Федор подосадовал про себя – вот где поселиться-то надо было, сейчас, глядишь, на кольцевую бы попал с другими беженцами, а там уж зацепился бы как-нибудь. Да разве заранее угадаешь, как лучше? Углубленный в свои мысли, он чуть не прослушал, о чем Кузьма говорит с ганзейцем. А ведь любая информация может пригодиться.

– Так, значит, эти, с Винзавода, не донимают пока? – интересовался Кузьма, разглаживая бороду.

– Да у них осенью самый гон – тогда сталкеры иной раз и наружу высунуться не смеют, – ответил ганзеец. – А сейчас только в полнолуние надо остерегаться. Впрочем, с ними не угадаешь. Еще какая-то дрянь лезет из трущоб привокзальных, вроде бы выход на пути замуровали, а теперь люди говорят, что словно скребется кто-то иногда с той стороны. Бабы, ясное дело, пугаются. Да и самим боязно, хоть виду и не подаем. А ну как прокопается к нам кто-нибудь снаружи? А еще бабы слухи распускают, что в туннеле как-то прямо с дрезины утащили пассажира – то ли крыса огромная, то ли мутант. Кто ж теперь знает, как там оно на самом деле было?

– Да, – веско подытожил Кузьма, – не позавидуешь вам. Мне эти станции привокзальные всегда гиблыми местами казались, нехорошими по нынешним временам.

Федор был с ним в глубине души согласен. Там, где есть вокзалы, даже внизу, в метро, ощущается какая-то... тревога, что ли? Иногда сталкеры уходят наверх и пропадают с концами, особенно в полнолуние. Нет, на других станциях тоже бывает, что люди не возвращаются обратно, но на привокзальных – куда чаще. А один странный случай Федор собственными глазами наблюдал. Двое вернувшихся с вылазки сталкеров еле дотащили до лазарета третьего, который был в беспамятстве. Говорили, что его вдруг переклинило, и он пытался куда-то уйти от вокзала по шпалам, насилиу вернули. А тот, бедняга, словно бы не соображал ничего, и только все просил какой-то железнодорожной воды, отталкивая кружку с чаем, которым, плача, пыталась напоить его медсестричка. И на следующий день к вечеру помер.

– Взять вот хоть Павелецкую, – продолжал свою мысль Кузьма, почесывая лысину, – вот где беда настоящая.

Он степенно отставил пустую кружку, вытер рот тыльной стороной руки, поросшей темными волосками. Пальцы его с коротко остриженными ногтями уже не отмывались от оружейной смазки.

– Ну, там-то вообще гермоворот нет на радиальной, оттого там чуть не поголовно все лысые и подолгу не живут. И каждую ночь к ним мутанты сверху лезут. «Приезжие» – так они их окрестили. Уж этим-то беднякам точно не позавидуешь, – согласился Серый.

Федор промолчал. При упоминании Павелецкой он подумал о Кате. «Может, на обратном пути загляну к ней», – решил он.

– Да и то сказать, – задумчиво произнес Кузьма, – Бауманка-то наша вроде и на отшибе, а зато неподалеку сразу целых три вокзала располагаются. Да и возле Электrozаводской платформа есть. Говорили – к ним как-то пришел один с поверхности. Из бункера подмосковного добирался прямо по шпалам. И они потом туда отряд отправили. Уцелели, значит, кое-где в Подмоскowie люди. Может, и в других городах кто выжил, а только все это, думаю, ненадолго. Все равно вымрут потихоньку.

За оружием пришлось идти в камеру хранения – на станции не разрешалось его носить. Перешли на радиальную. Формально здесь кончались владения Ганзы, но на деле Курская-радиальная служила придатком кольцевой. Здесь было словно бы даже темнее еще и потому, что все стены были выложены темно-серым мрамором с прожилками. Появлялось ощущение строгости и силы – из-за массивных прямоугольных пилонов, в которых резцом мастера намечены были выступы-колонны, из-за лепнины на потолке.

Станция была победнее, в северной части перрона стояли ряды ветхих палаток, сразу за жилым сектором располагался кухонный блок, где можно было выпить чаю. В южной части торговали – продавцы раскладывали товар на столиках. Здесь можно было потолковать спокойно, осмотреть товар, назначить цену.

Серый и так и этак вертел оружие. В его тусклых водянистых глазах ничего прочесть было невозможно, но Федору показалось, что тот доволен, и посредник уже мысленно прикидывал, какие комиссионные запросить с заказчика.

– Надо испытать, что ли, – буркнул Серый. Требование было вполне резонным, и Федор был к этому готов.

– Пошли тогда в туннель, – предложил он, – там и оп-робуешь.

– Если не понравится, могу другой предложить, – сказал Кузьма, – до Бауманки дойдем, у меня там целый арсенал.

– Классно, – ухмыльнулся Серый.

Прошли мимо блокпоста. В туннеле Серый зарядил пистолет. Первым выстрелом пробил какой-то висевший здесь с незапамятных времен круглый жестяной знак, вероятно, предупреждавший об опасности. Одобрительно хмыкнул. И вдруг Федор услышал странный шум.

Больше всего он был похож на тихий, какой-то нехороший смех. Казалось, звук выстрела разбудил какую-то неведомую силу, дремавшую здесь, и настроена она была явно не дружелюбно.

Федор завертел головой, оглядываясь в поисках разумного объяснения происходящему. Может, в туннеле кто-то есть? Но в глубине души он знал – они тут одни. Может, померещилось? Но нет, вот и у Кузьмы тревожно вытянулось лицо, забегали по сторонам глаза. Серый склонил набок голову, словно прислушиваясь, а потом решительно поднял пистолет, точно получил команду.

У Федора похолодело в груди – он вдруг отчетливо понял, что сейчас произойдет. Толкнув Серого под руку, он кинулся в темноту. Наверное, это спасло ему жизнь. Сзади щелкнул выстрел, раздался короткий вскрик – и Федор понял, что с Кузьмой покончено. Следующим выстрелом ему обожгло плечо, но он продолжал бежать, виляя из стороны в сторону. Еще один выстрел – мимо. А потом откуда-то сзади снова раздался звук, от которого у Федора окончательно подкосились ноги – снова этот тихий, издевательский смех. Федор, ослабев, прислонился к стене. Раздалось еще несколько торопливых выстрелов, затем дикий крик, быстро оборвавшийся.

Федор пополз в сторону Бауманской. Наверное, добраться назад, на кольцевую, было бы быстрее, но Федор и мысли не допускал, что придется возвращаться туда, где впервые почувдился ему этот жуткий смех, где только что произошло что-то страшное и необъяснимое. Еще не успел доползти – услышал голоса. Навстречу шел патруль. Федор обрадовался обходчикам как родным – по крайней мере, это были люди. Один из патрульных помог Федору добраться до Бауманской. Федор был так измучен, что остаток пути прошел как в тумане.

* * *

На Бауманской, как обычно, кипела работа. Центральный зал станции, по сути, представлял собой один большой цех, куда чужих не пускали. Даже большая часть проемов между пилонами была заложена разномастными кирпичами – те, кто делал это, заботились не о красоте. Здесь производилась значительная часть необходимого для метро оборудования, но для жилья эта станция не была приспособлена – большая часть рабочих после смены отправлялась ночевать на Электрозаводскую.

Федора отвели в просторную санитарную палатку. Он ожидал увидеть доктора Семена Натановича Брамца, сухонького, седоволосого, своими неторопливыми уверенными движениями внушающего доверие, но вместо него за столиком в углу сидела медсестра, совсем еще девочка, с измученным и печальным лицом. На одной из коек лежал мужик и тихо стонал, остальные три койки были пусты. Медсестра осмотрела руку Федора, щедро плеснула йодом на рану – он чуть не вскрикнул от боли. Потом, заметив, что он на ногах не держится, велела устраиваться на одной из свободных коек.

– Вообще-то ничего страшного, – тихо сказала она. – Рана пуляковая, царапина, пуля попала в мягкие ткани, лишь бы заражение не началось.

– Наташка, – раздался крик снаружи. – Иди быстрее, там Семенычу в цехе палец оторвало начисто. Кровища так и хлещет.

Медсестра всплеснула руками – ну что за день сегодня, когда уже кончится? – и выбежала из палатки.

Вместо нее вошел неприветливый охранник. А следом за ним – сам начстанции Бауманской, глава Бауманского альянса Михаил Григорьевич Сотников, пожилой, но крепкий еще мужчина. Федору случалось несколько раз оказывать ему услуги, поэтому он надеялся, что Сотников поможет ему. Федор до сих пор толком не мог понять, что произошло, и только теперь сообразил, что, по сути, сбежал, даже не посмотрев, что с Кузьмой. Но стоило ему вспомнить тот тихий издевательский смех – и его начинал бить озноб. Чутье подсказывало

ему, что для Кузьмы все кончилось очень плохо, а если б он пошел посмотреть, то и сам вряд ли бы остался в живых.

Начстанции грузно опустился на единственный в комнате стул, услужливо пододвинутый охранником. Пристально посмотрел на Федора:

– Ну, рассказывай, – только и сказал он.

Федор принялся говорить, стараясь не пропустить ничего – и сам чувствовал, какой нелепой выглядит его история. Когда он упомянул о загадочном смехе в туннеле, Сотников нахмурился, а когда Федор рассказал о перестрелке, так и впился в него глазами. Потом, не сказав ни слова, поднялся и медленно вышел. А охранник остался, и Федор счел это дурным знаком.

Что уж тут скрывать от самого себя – Федор прекрасно понимал, что Кузьма, скорее всего, уже покойник. Что с заказчиком – неизвестно. А вот сам он жив, и выглядит все это очень подозрительно – если надо будет кого-то обвинить в случившемся, то лучшей кандидатуры, чем он, просто не найти.

От слабости Федор вскоре задремал, а очнулся от того, что кто-то бубнил над ухом. Он тут же все вспомнил и сморщился – это ж надо было так влипнуть. А голос все бубнил:

– Вставай быстрее, дрезина ждать не будет. Или хочешь пешком до Электрозаводской топтать?

– Зачем мне на Электрозаводскую? – приподнявшись, щурясь от света, спросил Федор. У нависшего над ним мужика было дубленое, словно обветренное лицо, нос с красными прожилками, глаза тоже красные, словно от недосыпа, в коротких волосах – седина. Ватник на нем был старенький, поношенный, ватные штаны, впрочем, аккуратно залатаны, хотя все в пятнах. «Из работяг, наверное, – сообразил раненый. – Поддает, небось, оттого и глаза такие».

– Это меня не колышет, – продолжал тем временем развивать свою мысль мужик. – Приказ Каданцева – доставить тебя туда.

Федор знал, что Каданцев – начальник транспортной службы альянса, и понятно было, что судьбой Федора тот озаботился по указанию Сотникова. Но Федору было неприятно, что все решают за него – передают из рук в руки, словно неодушевленный предмет. И почему Каданцев принял именно такое решение? Его что – снова будут допрашивать, уже на Электрозаводской? Федор чувствовал себя не самым лучшим образом, его знобило, рука болела, и ему ужасно не хотелось опять куда-то тащиться. Хотелось лежать здесь, в госпитале, на ветхой, но относительно чистой простыне бурого цвета – где только здешние медики до сих пор берут такие? Бурого – это чтоб кровь не видна была.

– Что я там забыл, на Электрозаводской у вас? Мне б самому с Каданцевым поговорить, – пробормотал Федор неуверенно.

– Некогда ему со всякими тут разговаривать. Приказ есть приказ. Долго я ждать тебя должен?

– Да, жаль, что не получилось послушать начальника транспортного цеха... – пробормотал Федор. Его собеседник обиделся и счел нужным вступить.

– Альберт Георгиевич знает, что делает. Хоть и строг иногда, все для нашей пользы. День и ночь о нас печется. Раз сказал – выполняй без разговоров, а то как бы хуже не было. Между прочим, – собеседник даже понизил голос, – Кузьму-то и еще одного мужика мертвыми в туннеле нашли. А тела, говорят, такие, будто всю кровь из них высосали, да еще и обкусали. И у обоих еще раны пулевые. Темное дело, ох, темное. Наши-то некоторые поговаривали – живут в том туннеле твари, морок наводят. И Сотникову пытались про это сказать, да он и слушать не хочет. А теперь вот не отмахнешься – либо признать придется, что там твари орудуют, либо получится, будто ты тех двоих замочил. А за Кузьму тут многие готовы глотку перервать кому хошь. Чуешь, чем дело пахнет? Так что Альберта Георгиевича слушай, уходи отсюда подальше, коли жизнь не надоела, а то хуже будет. На Ганзе тебя уже небось капитан Панкратов поджи-

дает – тот еще зверь. Запыгает и разбираться не будет – виноват или так, под горячую руку попался. Ему человека убить – раз плюнуть.

Федор уже и сам понял, что дело плохо, как только узнал о гибели Кузьмы. Он, конечно, и так догадывался, но одно дело догадываться, другое – знать наверняка. Кузьма был нужен многим, его ценили, и поквитаться за его смерть тоже многим захочется. Поэтому как ни крути, а выходило, что Сотников принял правильное решение – надо ему пока скрыться, отсидеться, а там видно будет.

– Как звать-то тебя? – спросил он мужика.

– Виталей с детства кличут. Ну что, пошли, что ли, – и мужик, бубня что-то под нос, повел Федора на платформу, туда, где усталые работяги уже рассаживались в дрезине. Они с любопытством косились на Федора, на его перевязанную руку, но вопросов никто не задавал.

Глава 3

Электрозаводская

– Тут Малыш видит, что обступили его эти твари со всех сторон. Крикнул нам: «Прощайте, мужики!», да и кинул себе под ноги бутылку с горючей смесью. Шарахнуло так, что мама не горюй. Вот что называется – красиво уйти! Половина гадов вокруг него лежать осталась, некоторые стали расползаться, самые шустрые кинулись бежать. А Жженный будто в ступор впал – никак винторез поднять не может, руки трясутся. Я ему кричу: «Стреляй, Глеб Егорыч! Уйдут ведь!» Он выстрелил раз, другой, даже завалил парочку, но остальные все равно ушли. В Сокольники рванули – у них там, видно, в парке гнездо. Ну, теперь, наверное, надолго запомнят, как к нам соваться. Я сам пятерых подранил, не меньше, мамой клянусь – умирать уползли, – взхлеб рассказывал парень в рваной тельняшке и спортивных штанах, размахивая руками.

– Теперь это красных головная боль, – усмехнулся пожилой мужик, поворошив дрова в костре. Над огнем висел котелок с водой, и всем желающим наливали жиденький чай. Обитатели Электрозаводской отдыхали после трудового дня, вспоминая дела недавних дней.

Федор хмыкнул. Здешние сталкеры, видно, тоже любят приукрасить – вон как парень заливаает. Он, как всегда, старался даже из пустой болтовни извлечь для себя побольше полезной информации. И уже понял, что станция Электрозаводская находится не так далеко от станций Красной линии, где теперь обитают коммунисты. Ну, и что это дает? Да ничего пока. Теоретически по поверхности можно добраться, например, напрямик по улице Гастелло к метро Сокольники. Кажется, там и находился комбинат с ласковым названием «Настюша», продукция которого очень выручала коммунистов, пока запасы не иссякли окончательно. Да только дураков нет почти на верную гибель идти.

Говорят, несколько лет назад находились такие отчаянные – то ли жизнь на родной станции не устраивала, то ли еще что – срывались, кто в одиночку, кто по двое, по трое. Ведь если на машине, так вообще быстро можно доехать. И даже, говорят, про одного кто-то слышал – добрался он вроде до Сокольников. А потом следы его затерялись. В то время как раз по всему метро войны шли – может, голову сложил, а может, у красных в Берилаге сгинул. Да и Сокольники-то так еще по привычке многие называют, а красные, говорят, давно переименовали их в Сталинскую.

Где-то еще дальше в тех краях находится загадочный Черкизон – закопавшийся под землю многоярусный рынок, о котором ходят жуткие слухи: там процветает торговля людьми и жестокие забавы – гладиаторские бои.

– Дядя Саша, а говорят, ты недавно прядильщицу встретил? Какая она? – спросил паренек с жадным любопытством.

– Чего только люди не болтают, – с досадой сказал пожилой. – Не поминай лучше к ночи.

– Да неужто такие страшные они? – не отставал паренек.

– Это ты у Петьки спроси – страшные или нет.

– Это у того, который пропал больше года назад? Так у него не спросишь уже.

– То-то и оно, что пропал. Говорили – к ним как раз и подался. Видел я их – но все больше тех, что постарше. Они грузные, неповоротливые, в тряпье какое-то замотаны и вроде вреда людям не делают, особенно если группой идти – стоят просто и смотрят. А все равно жуть от них какая-то идет и несет от них противным чем-то, вроде тухлятины. Так-то с ними справиться можно, но если их много, а человек один, тогда они его одолеть могут.

– И что?

– К себе в подвалы утаскивают. Говорят, съедают потом. Но не сразу – им ведь детей от кого-то нужно заводить. Вот какое-то время держат его для приплода, а потом съедают. И если мальчик у которой-нибудь из них родится, тоже съедают. А девочек растят. Пока молодые-то, говорят, они даже на людей похожи, еще и покрасивее девушек наших, потому как вроде на воле растут и не подземным воздухом дышат. Да только потом быстро в уродов превращаются, а многие вообще умирают рано. Радиация, куда деваться. Они молодняк свой обычно прячут где-то, с собой берут только одну или двух девушек, быстроногих самых – для приманки. Обычно к лету ближе, когда тепло уже, на охоту выходят. Зимой чаще в логове своем сидят, запасами питаются, редко нос высовывают. Может, друг дружку там едят, кто знает? А сейчас как раз самый промысел у них. Зимой-то не разберешь, где молодая, где старая – все одинаково закутаны. Вот Петька увидел девчонку симпатичную и повелся. Вернулся, рассказал, что встретил красавицу наверху. Отправился на поверхность снова – говорит, поймаю ее, сюда приведу, будет у меня жить. А вышло так, что его самого поймали. Ушел, да и пропал с концами. А на следующее лето отправился друг его Сашка на разведку – поискать решил логово ихнее. Вернулся – лица на нем нет, а в руках сверток. Развернули – младенец, мальчик. Кое-кто уверял, что лицом вылитый Петька. Сашка с тех пор почти не говорил. Однажды только по пьяни пробормотал что-то про подвал, усыпанный костями.

– А младенец что?

– Младенец долго не прожил, хоть и пытались выходить его. Да и то сказать – даже если б выжил, все равно народ косился бы на него, не знал бы, чего ждать от этого отродья. Если уж его мамаша, похоже, человеческим мясом не брезговала.

– А разговаривать-то они умеют?

– Вроде нет. Так, звуки какие-то издают бессвязные, лопочут чего-то или скулят. Человеческую речь забыли уже.

– А почему название такое странное?

– Потому что обитают где-то в подвалах фабрики бывшей шерстопрядильной. А откуда они там взялись, не знает никто. Ну и движения какие-то странные они делают руками. Не знаю я. Если вдруг увидишь, сам поймешь.

– А в метро они не пытались приходиться?

– Сами не пытались – не любят они туннели. Не знаю, правда или нет, но говорили, что был случай – притащили сталкеры сверху одну молоденькую. Она ранена была – оттого только и удалось сладить с ней. Мужик, что ее приволок, упросил запереть ее в камерке, сам возился с ней, кормил, лечил. Она даже вроде привязалась к нему, но тосковала – видно было. Народ, правда, не одобрял, косился. Потом стало видно – вроде ребеночка она ждет. Ну, тот решил, что ей уж не деться никуда, выпустил из клетки – тут-то она и сбежала. А умные люди ему сказали – радуйся, что она перед этим голову тебе не открутила. Они хоть с виду хрупкие, но такая сила у них иной раз появляется, если в угол загнать. Так отчаянно отбиваются, что и несколько здоровенных мужиков сладить с ними не могут. Не хотят под запором жить, да и все тут. Видно, наверху им больше нравится, хоть и живут нелегко, и умирают рано. Правда, есть тут, говорят, один чудака – кучу патронов обещал тому, кто ему прядильщицу живой приведет. Да дураков-то нету.

– А на Семеновской у одного начальника стряпуха говорит плохо.

– Ну и что?

– Да нет, ничего, к слову пришлось. Ты рассказал про этих, верхних, мне и вспомнилось. И ведь он ее со стороны откуда-то привел пару лет назад, не местная она. А готовит вкусно – пальчики оближешь и по хозяйству управляется ловко. Только одна эта странность у нее и есть – лопочет бессвязное что-то. Но она убегать не пытается, наоборот – в рот ему смотрит, каждое слово на лету ловит.

– Вот то-то и оно – говорят, если приручить прядильщицу, то лучше служанки и не найти. Только это трудно очень, они свободу любят обычно больше, чем мужиков. Нужно, чтоб она сама с человеком остаться захотела – это уж или слово надо знать какое-то тайное, или уж не знаю что. Да, может, та стряпуха вовсе и не из них, может, просто с рождения косноязычная.

– Да врешь ты все, нет никаких прядильщиц, – буркнул кто-то. – Выродки иногда попадают наверху, это верно. А про прядильщиц ты сам придумал. Начстанции говорит – брехня это все.

– А ты его больше слушай! Это он для того так говорит, чтоб наверх ходить не боялись. Потому и запретил про все это на станции болтать. А герму-то заварить не зря велел. Ты думаешь, почему ворота закрыли намертво и выход сделали в туннеле? На самом деле все знают, только молчат. Спроси вон сталкеров бывалых. И младенец-то откуда взялся тогда?

– Мало ли откуда? Те же выродки и подбросили.

– Да какая разница, как их называть – выродки, прядильщицы, да хоть шпалоукладчицы. Главное – наверх лучше лишний раз без причины не соваться, потому что чертовщина там творится, особенно в полнолуние, это все знают. В Яузе под мостом недавно вообще русалку видели.

– Никакая это не русалка была. Это все известный трепач Сафроненко наболтал. Я-то знаю, как было дело. Он проходил мимо реки и увидел утопленницу в воде. Волосы у ней были светлые, длинные, совсем как живая была, видно, недавно утонула. А тут ее течением колыхнуло, пошевелилось тело – так Сафроненко, говорят, так бежал, что мимо входа в вентиляцию пролетел впопыхах и промчался без остановок аж до самой Семеновской. С тех пор он всем про русалок и рассказывает.

– А откуда ж там утопленница взялась?

– Да кто ж его знает? Кто-то из выродков, наверное. А может, издалека приплыла – выше по реке, говорят, до сих пор психи живут.

– Какие психи?

– А там больница была до Катастрофы. И вроде до сих пор они там остались, даже радиация их не берет. Наоборот – они отлично к ней приспособились.

– А может, она из «матросов» была? Ну тех, которые в «Матросской тишине» живут?

– В тюрьме, что ли? Ну ты скажешь. Матросы – они здоровые, вдвое выше обычных людей. А головы у них, наоборот, маленькие – в темноте кажется, что они и вовсе безголовые. Таких ни с кем не перепутаешь. Скорее, уж и правда из выродков. Хотя Сафроненко сказал – красавица. Еще и разглядеть успел. Выродки-то все чахлые, страшные, в язвах и болячках.

– Выродки и воды вроде боятся.

– Может, от несчастной любви девка утопилась? – фыркнул кто-то.

– Не-ет, не в этом дело, – раздался уверенный мужской голос из темноты. – Тело-то, говоришь, под мостом было?

– Ну да, – неохотно подтвердил рассказчик.

– А мост совсем недалеко отсюда. Тем более если выглядела как живая – не могла она издалека приплыть. Ее б тогда обглодали по дороге. Сдается мне, что девчонка либо наша, либо с Семеновской была. Психи и выродки тут ни при чем, скорее всего. Если точно знать, когда дело было, можно выяснить – не пропал ли кто отсюда в ту пору. Любят у нас все в тайне от людей держать – вот в чем беда.

– А почему думаешь, что из метро была девчонка? Тут мало у кого волосы длинные, девки все больше стриженные, чтоб вшей не плодить. И по-твоему, она из метро вот так, без химзы и противогаса, на поверхность сунулась? Искупаться решила? И впрямь, водичка в Яузе что надо – грязная, радиоактивная, небось вся таблица Менделеева растворена. Чего б не окунуться по хорошей погоде?

– Ты можешь, конечно, меня не слушать, – произнес тот же тягучий голос. – Но если однажды ты увидишь там, под мостом, в мутной водиче, тело своего друга – вспомни мои слова.

– Да о чем ты толкуешь, не пойму я? – тревожно спросил мужик.

– Вот то-то и оно, что не поймешь. Может, оно и к лучшему. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Нет уж, ты расскажи, коли начал. Сказал «А», говори и «Б».

– Что я тебе скажу, если ты мне уже сейчас не веришь? Решись – мол, бредни, байки. Я тебе одно скажу – от реки лучше держаться подальше. Да что толку предупреждать – это все равно не поможет.

– А за Семеновской живут? – спросил Федор у мужика, показавшегося ему наиболее рассудительным. Тот покачал головой.

– Кто ж его знает? Про Партизанскую говорили люди, что пустует она. Туннели к ней завалены, но вроде как-то пробрался сталкер один через завалы. И нашел там одни скелеты. Говорит, там герму, видно, заклинило, и люди даже наверх выбраться не смогли, так и сидели взаперти, пока все не умерли. А еще, говорит, стоит там поезд на путях с картинами внутри – и они как новые, словно только вчера повесили. А смотреть-то на них и некому, вот так-то! Измайловская станция на поверхности была, там и жить-то было нельзя, а рядом Измайловский парк – теперь это джунгли непролазные. Ну, а что на Первомайской творится, вообще никто толком не знает. Кто говорит – пустая она. А одно время ходили слухи, что есть там люди, что там Первомайская республика. Да только я думаю, что нет там никого – ну как бы люди выжили в отрыве от большого метро?

Федор послушал еще немного и пошел к другому костру.

Он уже два дня находился на Электрозаводской и не знал, чем себя занять. Станция, по сути, как и Бауманская, была превращена в большой цех, днем здесь стоял постоянный грохот и звон – производились работы по металлу. Поэтому днем Федор предпочитал отсыпаться, выбрав уголок потише, а к вечеру, когда шум работ стихал и начинались досужие разговоры у костра за чашкой чая, а кое-где и песни заводили, он бродил по станции – интересно было, чем здесь люди живут.

Плечо побаливало, но не сильно – об этом как раз можно было не волноваться. А вот мысли всякие одолевали, не давали покоя. Федор вновь и вновь переживал случившееся, старался представить, чем гибель Кузьмы может для него обернуться. Ведь даже если разберутся, поймут, что ни при чем он, не виноват, люди будут бояться вести с ним дела. Как говорится, то ли он украл, то ли у него украли, но была какая-то неприятная история. Интересно, дошли ли слухи до Веры, и что она думает обо всем этом? Федор чувствовал, что, сидя здесь, зря теряет время – на Китай-городе его дожидалось еще несколько человек, каждому из них он что-то обещал, а теперь все срывалось. Если подведет их, пусть и невольно, пойдет слух, что он ненадежен.

И другие мысли не давали ему покоя. Что, если Ганза потребует его выдачи? Не для того ли отправил его сюда Сотников, чтоб знать в случае чего, где его можно легко и быстро найти? Может, вовсе не спасти Федора он хотел, а иметь под рукой, чтоб в обмен на его голову что-нибудь выторговать у ганзейцев? Ведь отсюда Федору никуда не деться в обход Ганзы – ну разве что дойдет он до Семеновской, последней станции Бауманского альянса. А дальше – заваленные туннели к Партизанской. Фактически он здесь как в ловушке.

Но как быть, Федор не знал. Вот и болтался по станции, слушал разговоры. У одного костра что-то негромко пел пришлый музыкант. Федор присел было послушать, но из-за спин сидящих впереди исполнителя плохо было видно, слова тоже угадывались с трудом. Что-то про капитана, который курит трубку, пьет крепчайший эль и любит какую-то девушку. И вот что странно – песня-то, видно, старая, слов много незнакомых, но все равно почти все понятно.

Вот, к примеру, эль – наверняка что-нибудь вроде браги или самогона, раз он крепкий и его можно пить:

У ней следы проказы на руках,
У ней татуированные знаки,
И вечерами джигу в кабаках
Танцует девушка из Нагасаки.

Что такое джига, примерно тоже было понятно, раз ее танцуют в кабаках. Что такое Нагасаки, Федор не знал, но наверное, место какое-нибудь так называлось. А вот насчет проказы он решил выяснить потом. Незнакомые слова завораживали. А дело между тем стремительно шло к развязке:

Вернулся капитан издалека
И он узнал, что господин во фраке
Однажды, накурившись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки¹.

Федор решил, что ослышался – наверное, музыкант спел «во мраке». Гашиш – тоже понятно, дурь какая-нибудь. В общем, грустная была песня, грустная и красивая. Федору жаль было неведомую девушку, а еще больше – капитана. Хоть и непонятным оставалось, отомстил ли тот убийце, но девчонку-то уже не воротить. «Надо будет слова спросить», – подумал Федор.

Певец тем временем завел что-то более залихватское – про пирата, бизонов и пампасы. Особенно запомнилось Федору слово «баобабы». Эта песня тоже была про несчастную любовь – в конце вообще все умерли, насколько Федор мог понять, но уж слишком много было незнакомых слов. Музыкант ударил по струнам последний раз и оглядел публику:

– Ну, что еще вам спеть?

Слушатели тихонько переговаривались между собой, но никто не решился сделать заявку. Молодой, ломающийся басок, правда, неуверенно крикнул из задних рядов: «“Мурку” давай!», но на него тут же зашикали сидящие рядом. Музыкант сделал вид, что не слышал. Федор удивился – «Мурку» очень уважали на Китай-городе пацаны, душевная песня, что тут такого?

– Про Сенегал, может? – поинтересовался он. Люди одобрительно загудели, кто-то даже захлопал. И полилась залихватская песня – снова про баобабы и жену какого-то посла. «Дались им эти баобабы», – подумал Федор. Песня закончилась, люди захлопали. Кто-то из сидящих кинул музыканту пачку сигарет – неслыханная редкость по нынешним временам. Тот ловко поймал, поблагодарил кивком и улыбкой. В лежавший возле него раскрытый чехол от гитары посыпались патроны.

– Перерыв пятнадцать минут, – объявил музыкант. Народ недовольно загудел.

– Ну-ну, мне же тоже отдохнуть нужно, горло промочить, – сказал исполнитель. Люди поняли намек, несколько человек одновременно протянули ему кружки, полные пенящейся браги, а в чехол от гитары, лежавший перед ним, вновь дождем посыпались патроны.

Федор повернулся к пожилому мужику и спросил:

– Что такое «проказа»?

Тот нехотя ответил:

¹ Текст песни В. Инбер.

– Болезнь такая была, в жарких странах чаще болели. Гнил человек заживо: сначала пятнышко маленькое появлялось на пальце, нечувствительное к боли, потом пальцы отваливались, язвы по всему телу шли, а через несколько лет умирал.

«Так девчонка еще и больная была?» – подумал Федор. И продолжал спрашивать:

– А гашиш?

– Дурь, – коротко ответил человек. Федор кивнул – он, в общем, так и подумал.

– А баобабы? – выговорил он особенно поразившее его слово.

– Деревья такие с толстыми стволами. У нас тут не растут, – пояснил мужик. Подумал. – Ну вот ты наверх ходил, тополя видел? – спросил он у Федора. Тот кивнул. – Так вот, нынешние тополя очень даже на те баобабы похожи, – сказал мужик. И отвернулся, потеряв к Федору всякий интерес.

Федор загрустил. Ему снова жаль стало капитана, который любил смертельно больную девушку. И девушку жаль, которая так рано погибла. Но чем от болезни умирать, гнить, заживо разлагаясь, может, и лучше уж так – сразу.

В песнях кипели нешуточные роковые страсти, каких в жизни он не видел. В жизни что – ну, поколотит проститутку ее дружок из ревности, а потом они помирятся и на ее выручку вместе напьются, вот и вся любовь. А в песне все как-то красиво получается. Вот, скажем, на самом-то деле никому, да и себе тоже, не пожелаешь больную полюбить, а со стороны слушаешь – и сердце размякнет. Федор представил себе, что было бы, если б Вера ему изменила: конечно, не особо приятно, но убивать он ее точно не стал. Может, ушел бы, а может, потом и простил бы – смотря по настроению. Но ему трудно было представить, чтоб влюбленная по уши Вера на это решилась...

Кто-то хлопнул его по плечу – Федор вздрогнул было, но тут же успокоился, узнав Виталю, который позавчера привел его сюда.

– Ну, как оно? – спросил тот, щуря красные глаза и шмыгая носом. – Болит рука-то?

– Да ничего, терпимо, – сказал Федор. – А что там на Бауманской слышно? Разобрались уже? А то мне домой вообще-то надо позарез.

– И думать не моги, если жизнь дорога, – буркнул Виталья. – Сиди и не высовывайся.

– Что ж делать-то? – застонал Федор.

– Не знаю. Но если прям так уж тебе приспичило, могу к Даниле тебя отвести. Может, он чего придумает.

– Что за Данила?

– Сталкер. Все ходы-выходы знает. Если надо куда добраться незаметно – это к нему. Только слухи нехорошие ходят про него, – Виталья оглянулся и, понизив голос, продолжал, – вроде он с нечистой силой знается. Потому не любят к нему обращаться – только по крайней нужде.

– Да ладно, – сказал Федор, – в нечистую силу я не особо верю, а нужда такая, что во, – и он провел ребром ладони по горлу. – Веди к своему колдуну.

Глава 4

Колдун и его помощница

Виталья привел его в палатку, где на ворохе тряпья сидел пожилой кряжистый мужик. Лицо его было словно дубленным, возраста было не разобрать, волосы с сильной проседью, а глаза неожиданно яркие – голубые. Федор обратил внимание, что его выдавшая виды ветровка защитного цвета аккуратно заштопана в нескольких местах. Значит, жена имеется, наверное.

– Привет, дядь Данила, – заискивающе сказал Виталья.

Мужик молча кивнул, внимательно, оценивающе глядя на них. Федор, поздоровавшись, степенно достал пластиковую бутылку с брагой, заготовленную заранее. Мужик усмехнулся в усы, извлек откуда-то пару кружек и кулек сушеных грибов – на закуску. Кулек был сделан, видно, из листа старого журнала – виднелась полуголая красотка в красном купальнике. Федор разлил брагу в кружки. Выпили, закусили.

– Ну, говори, что нужно. Ко мне просто так не приходят, по нужде только, – сказал Данила.

– Да вот ему бы на Китай, но только чтоб не через Ганзу, – встрял Виталья.

– Наломал дров, что ли? – непонятно спросил старик. Федор так и не понял, при чем здесь дрова, неопределенно качнул головой.

– Ну ничего, – сказал Данила, цепко оглядывая Федора, – этому горю можно помочь, если ты не из пугливых. Наверху-то раньше случалось бывать?

– Случалось, – пробормотал Федор, внутренне холодея. К такому повороту он не был готов, думал – может, старик знает какие-нибудь тайные туннели? Хотя по нынешним временам еще неизвестно, где опаснее – в туннелях тоже такое встречается, что и сказать страшно.

Тут он вспомнил про свои сталкерские корочки и протянул их старику. Тот скривился:

– Да что мне бумажка? Бумажка о человеке ничего не расскажет. Откуда я знаю – чего от тебя ждать? Поход-то нелегкий будет – не прогулка увеселительная. Хотя вот гляжу на тебя и думаю – может, и ты на что сгодишься. Только я смотрю – ты вроде ранен?

– Рана – пустяки, царапина. Врач только велел больную руку не трудить пока, так вторая-то здоровая, – буркнул Федор, у которого все меньше оставалось желания ввязываться в эту авантюру. – А как отсюда на Китай верхом дойти? Путь-то неблизкий.

– Как пойдем – это я тебе потом скажу. Я сам пока не знаю. Надо сперва выйти и посмотреть, что наверху творится, где безопасней. Там все время все меняется. У тебя химза есть? Намордник?

Федор покачал головой, соображая, как полочнее отказаться.

– А может, по туннелям все-таки? – пробормотал он.

– Чтоб на Китай-город – да не через Ганзу? Не, не получится. Вообще есть, говорят, туннели тайные, да я их не знаю, у меня свои пути. Да ты не бойся, не первый раз уже хожу – и до сих пор живой. В туннелях-то иной раз и опаснее, там-то самая гадость и водится.

Федор вспомнил неведомых пересмешников и мысленно согласился со стариком. И все же подниматься на поверхность ему ужасно не хотелось – слишком много опасностей подстергало там. Если не попадешь в пасть мутанту, рискуешь схватить дозу, или тебе на голову рухнет обветшалое здание, а не то так провалишься в какую-нибудь трещину, и никто тебя не найдет – да и искать не будет. Он хотел уже отказаться наотрез, но тут в палатку кто-то заглянул.

– Дед, ты не спишь? – раздался хриловатый девичий голос. – У тебя кто-то есть? Так я потом лучше зайду?

Этот голос хотелось слушать снова и снова. От него теплей стало в груди, старая палатка сразу показалась уютной.

– Голубонька моя, да разве ты можешь помешать. Заходи.

Гостья протиснулась в палатку, и Данила протянул ей свою кружку, где на дне еще плескались остатки браги. Девушка, ловко ввинтившись между ними, взяла кружку и отхлебнула. Федор уставился на нее.

У нее были светлые волосы, бледное лицо, большие серые глаза. Она выглядела худенькой и хрупкой. Одета была в просторные черные штаны, поверх серой футболки – затейливая пестрая жилетка. Разноцветные нитки, переплетаясь, складывались в узоры – вроде бы и неброские, но именно оттого хотелось глядеть на них и глядеть. Цвета были подобраны так, что переходили один в другой. Еще Федор подумал, что ткань эта, наверное, жесткая на ощупь. Понятно было, что жилетка была так просто, «для красоты» – слишком тонкая, чтобы согревать. Девушка очень отличалась от подземных жителей, облаченных в унылые костюмы защитных, тусклых цветов. При этом ее наряд вовсе не выглядел вызывающим, как у девчонок с Китай-города, торговавших собой.

«Она какая-то нездешняя», – подумал Федор. Он еще не видел таких девушек в метро. Что было тому причиной – пухлые губы, тонкая фигурка, необычный разрез глаз, словно бы чуть приподнятых к вискам, что-то мальчишеское и одновременно очень женственное в повороте головы, пестрый жилетик?

Была ли она красива? Федор этого не знал. Он бывал на других станциях, видел и ухоженных женщин Ганзы, и вульгарных девчонок Китай-города, и замученных тружениц с окраин, но эта девушка не была похожа ни на одну из них. Вовсе не похоже было, чтоб она тщательно следила за собой – кроме жилетика, пожалуй, никаких других примет того, что девушка сознательно пыталась как-то себя украсить, Федор не обнаружил. Но одежда ладно сидела на ней и не мешала движениям, словно составляла единое целое с хозяйкой, а коротко остриженные, явно для удобства, волосы, которые она, судя по всему, причесывала просто пятерней, обрамляли голову так красиво, как не сумела бы уложить нарочно иная модница, даже приложив кучу стараний.

На ее лице не было краски, как у девчонок с Китая, – она не позаботилась даже подвести помадой бледные губы. Несмотря на это, Федор глаз отвести от нее не мог – кожа ее казалась ему прозрачной, светящейся в полутьме. Это была естественная красота – так может быть красиво дикое животное, девушку словно сияние окружало.

«Жаль, что это сияние так недолговечно», – с грустью подумал Федор. Пройдет совсем немного времени – и кожа обветрится, руки огрубеют, появятся первые морщины. Девушка наверняка знала, что он разглядывает ее, но наверное, такие взгляды были ей привычны – она лишь чуть повела плечом.

Федор, наконец, сообразил, что напоминает ему незнакомка – бледный чахлый росток, чудом выросший в подземке без света. Они казались изумительно красивыми, на них хотелось смотреть бесконечно, но то была красота увядания. Хоть и пытались растения цепляться за жизнь, но борьбу эту неизменно проигрывали. Лишенные света, они постепенно слабели и вскоре погибали, если еще раньше их не успевали сглотать прожорливые слизни.

А еще он заметил небольшой, почти незаметный шрам у нее на щеке. Странно, но шрам вовсе ее не уродовал, наоборот, придавал загадочности. Хотя Федор был уверен, что шрам она получила не в бою – скорее, оцарапалась обо что-то или неудачно упала, очень уж юной она выглядела.

Судя по тому, как нежно говорил с ней старик, девушка была ему человеком близким. Возможно, его ветровка была заштопана ее руками. Но хоть она и назвала его дедом, как-то не верилось, что она и впрямь его внучка. Вспомнилась история про молоденьких прядильщиц –

может, все-таки удалось кому-то поймать одну, приручить – и вот она сидит перед ним. Да нет, ведь они вроде разговаривать не умеют – а эта болтает вполне складно.

Девушка встретилась с ним глазами на секунду, но тут же вновь отвернулась.

– Вы про дела говорили? – спросила она старика. – Я мешать не буду. Я сейчас опять песни слушать пойду. Хотела теплое что-нибудь взять, холодно.

– Да вот пришел человек, на Китай-город ему надо, – старик кивнул на Федора. – Я и так в поход собирался на днях, чего ж не взять с собой, лишние глаза и руки не помешают. Ты сама-то как – готова идти?

Федор мог бы поклясться – что-то мелькнуло в лице у девушки, словно она внутренне вздрогнула. Но голос ее звучал беспечно, когда она сказала:

– Да по мне, хоть сейчас. Скучно тут, на станции.

– Ну, вот и славно, – пробормотал старик и вопросительно глянул на Федора: – Ну что, решился, мил-человек?

Федор пожал плечами. Он решил, что если даже эта хрупкая девушка готова отправиться с ними, значит, путь не так уж опасен. Но сомнения у него оставались.

– Подумай хорошенько, – сказал старик, – уговаривать не стану. Нельзя на такое дело уговаривать – каждый сам должен решать. Химзу и намордник я тебе дам, если что. Жаль, конечно, что подранили тебя, но раз здоровой рукой действовать сможешь – уже хорошо. Времени у тебя три дня – мне еще кое-что подготовить надо.

– А сколько запросишь? – начал было Федор, но старик махнул рукой:

– Не бери в голову – потом сочтемся.

Федор решил, что он при девушке не хочет говорить об оплате, кивнул и вытащил еще бутылку браги, разлил по кружкам. Девушка, вытащив из какого-то мешка толстый теплый шарф крупной вязки, сунулась к выходу.

– Уходишь? – спросил старик.

– Хочу песни послушать, музыкант после ужина еще спеть обещал. Он издалека, завтра обратно уйдет уже. Говорят, из Конфедерации, что ли.

– Не засиживайся, спать пораньше ложись. Тебе силы надо беречь, – проворчал старик.

– Можно с тобой? – спросил Федор девушку. Она зыркнула на него исподлобья, пожалала плечами.

– У тебя свои дела, у меня – свои. Иди, куда тебе надо, а я тебе на что?

Федор решил, что девушка уж слишком задается – не больно-то и хотелось ее провожать. Когда он узнал, что она тоже ходит на вылазки, он как-то разочаровался в ней, что ли, да и грубость ее неприятно кольнула.

Вообще-то ему не нравились женщины, которые пытались вести себя как мужчины, – взять ту же Кошку, например, о которой он, впрочем, знал больше понаслышке. Ох, не женское это дело – воевать с мутантами, а Кошка, по слухам, и людей убила немало. Но то – особый случай, она ведь сама – мутантка, ее и человеком-то можно назвать с трудом. А эта девчонка выглядела такой хрупкой – неужели она тоже ходит наверх вместе со стalkerами? С другой стороны, поговорить с ней не мешало бы – она, наверное, сможет побольше рассказать и о здешних порядках, и о намечающемся путешествии.

Федор вопросительно оглянулся на старика. Тот кивнул утвердительно:

– Иди-иди.

И укоризненно попенял девчонке:

– Зачем обижаешь человека? Он в гостях у нас, в поход собирается с нами вместе, не гляди злокой, поприветливей будь с ним.

У Федора создалось впечатление, что старик одобряет их знакомство.

– Как тебя зовут? – спросил Федор.

– Неля.

– Красивое имя. А я – Федя.

Во взгляде ее мелькнуло что-то ехидное, но она сдержалась, закусила губу. И вдруг неожиданно улыбнулась как-то заговорщически – в глазах словно искорки зажглись. Эта улыбка сразу примирила его с ней. Настроение у него поднялось. Казалось бы, ерунда, пустяк, но теперь Федор все воспринимал по-другому – ему сразу стало весело без всякой причины.

– Откуда у тебя шрам? – спросил он.

– Да так, упала, об острый камень поцарапалась, – нехотя буркнула девчонка и снова замкнулась в себе. Федор испытал даже легкое разочарование. Он примерно так и думал, но ему нравилось фантазировать, будто шрам был от ножа или пули, а может – от когтей мутанта. Это больше подошло бы странной девчонке. Она похожа была на заколдованную принцессу из сказки, которую хотелось спасти от зверей или лихих людей. Теперь Федору нравилось даже, что она дичится его, глядит исподлобья, отвечает нехотя. Она так не похожа была на развязных девок с его станции. И он решил обязательно познакомиться с ней поближе, хотя зачем ему это было надо – не смог бы себе ответить.

Вслед за Нелей Федор подошел к костру, возле которого собралось множество народу. Люди сидели на каком-то тряпье, а некоторые – прямо на полу. Федор стащил теплый жилет, постелил на пол и жестом предложил девушке садиться. Она, не возражая, устроилась, подвинулась так, чтоб дать и ему место рядом с собой. Музыкант сидел на стуле, перебирая струны. Поднял голову, обвел глазами присутствующих. Федор заметил, что глаза у него серые, чуть навывкате, светлые с проседью волосы собраны в хвост черной резинкой. Плечи были широкими, а кисти рук неожиданно изящные, пальцы тонкие. На одном блестел серебряный перстенок с каким-то странным знаком. Сидящий рядом на полу человек передал ему несколько клочков бумаги – видимо, записки из задних рядов. Музыкант читал, хмурился.

– Нет, эту не буду, не могу сегодня, – сказал он, отложив одну из бумажек. А затем вполголоса хмыкнул и произнес, словно бы про себя: «Ну надо же! Не ожидал». Поднял голову и вновь обвел глазами сидящих.

– «Туркестанский экспресс» кто просил? – поинтересовался он. В ответ приподнялся суровый мужик с обветренным лицом:

– Неужели знаешь?

– Знаю. Только не хотелось мне сегодня об этом, – пробормотал музыкант.

– Пожалуйста, брат! Ну правда, очень нужно, – и мужик провел рукой по горлу, показывая, как ему необходимо услышать именно эту песню.

Музыкант поглядел ему в глаза и, видимо, что-то там увидел. Он коротко кивнул и начал в который уже раз настраивать гитару, а мужик терпеливо ждал.

– Это Костя, – объяснила тем временем Федору Неля. – Он всегда эту песню заказывает, только ее почти никто не знает.

Федор с изумлением смотрел на девушку. С ней произошла внезапная перемена – словно звуки струн привели ее в хорошее настроение. Глаза заблестели, щеки разругнулись. Теперь она разговаривала с ним почти приветливо. Или то подействовали наставления старого Данилы? «Какие у нее глаза, я ни у кого не видел таких», – вновь подумал Федор.

– А что такое экспресс? – спросил он. – И почему туркестанский?

– Поезд такой. Ты лучше слушай, я потом тебе расскажу.

«Поезд, – вздрогнул Федор – Может, это знак?». Снова вспомнился тот жуткий сон перед выходом – и ведь гадости-то ждать себя не заставили, и вправду вещим сон оказался. Вот и не верь в приметы после этого. А музыкант тем временем ударил по струнам и вдруг заорал во весь голос – так, что Федор чуть не подпрыгнул от неожиданности:

И вот я вышел из дома, освоив науку смотреть,
Я посмотрел на мой город, и город был тусклым как смерть,

Все изменилось, пока я учился читать имена —
Чужое небо, чужие дороги, чужая страна...

Федор понял, что герой, выйдя на улицу, увидел перед собой мертвый город. А дальше ему позарез потребовалось попасть на этот самый туркестанский экспресс зачем-то, и кажется, у него это в итоге получилось.

И я ушел, и включился, когда проезжали Уфу,
И мне какой-то чудака все объяснял, что такое «кунг-фу»,
А с верхней полки сказали: «Надежней хороший обрез».
А я подумал: «Я все-таки сел в туркестанский экспресс».

Федора опять совершенно не смутило, что половины слов он не понимает. Зато он точно знал, что хороший обрез – вещь в хозяйстве и правда совсем не лишняя. Но, кажется, поезд в итоге оказался не тот, и путешественнику из песни пришлось туго – вместе с загадочным проводником он прыгал с подножки, шел куда-то на восток, сидел на ржавых рельсах, его втягивали на руках в другой вагон на ходу.

Суровый мужик между тем жадно слушал, время от времени кивая в ответ каким-то своим мыслям. Что-то очень важное зависело от этой поездки. Смертельно важное. Даже Федор в итоге начал понимать – тут дело идет не только о том, чтобы попасть из одного места в другое. Тем более, что поезд, судя по всему, вернулся потом обратно в Москву. Но все волшебным образом изменилось:

Я посмотрел на мой город – и город был новый, живой,
И кто-то тихо сказал: «Получилось».
А ты смотри, получилось.
Ну что – с возвращеньем домой,
Туркестанский беглец.
С возвращеньем домой!»².

Федор многого не понял. Но, как ему показалось, понял главное – почему музыкант согласился с такой неохотой. Эта песня была про судьбу, она была слишком серьезной и тяжелой, чтобы исполнять ее здесь и сейчас. И люди вокруг затихли – словно вместо желанного развлечения им неожиданно предложили головоломку.

Мужик, дослушав песню и кинув музыканту в чехол от гитары горсть патронов, резко поднялся и пошел прочь.

- Он сейчас наверх отправится, – пояснила Неля.
- Сталкер? – уважительно спросил Федор.
- Да. Но он наверх ходит не только за хабаром. Он ждет.
- Чего? – удивился Федор.
- Когда пройдет туркестанский экспресс, – оглянувшись, шепотом сказала Неля.
- Он что – на всю голову больной? – удивился Федор.
- Да тише вы, слушать мешаете, – неприязненно зашикали на них.

Оказалось, музыкант уже пел про очередные баобабы. Федор видел, как гневный румянец вспыхнул на щеках у Нели, она явно с трудом сдержалась, чтобы не отбрызнуть возмущенных работяг. Сам он тоже не решился вмешаться, заступиться за девушку, и оттого ему было

² Текст песни С. Калугина.

неловко. «Я тут недавно, порядков здешних не знаю, – мысленно оправдывался он. – Тем более они правы – мы им мешаем».

– Давай уйдем подальше, – шепнула Неля, и они перебрались в задние ряды. Здесь можно было говорить спокойно, и девушка принялась объяснять:

– Ты не понимаешь. Каждый верит, во что хочет. Он верит в это. У нас тут наверху старая железная дорога возле станции. Это то же самое, что метро, только поезда ходили не по туннелям, а наверху.

– Знаю, – буркнул Федор, вспомнив рассуждения Кузьмы про привокзальные станции.

– Ну вот, Костя верит, что если очень ждать, однажды здесь пройдет туркестанский экспресс, и все опять станет, как было до Катастрофы. У него во время Катастрофы вся семья погибла. И он думает, что если все опять станет по-прежнему, то он сможет встретиться с ними.

– Ну и бред! Откуда ж здесь поезду взяться через двадцать лет после Катастрофы? – удивился Федор. – И почему он должен пройти как раз здесь?

– Он проходит там, где его очень ждут. Костя думает – если сильно верить, то так и будет, – объяснила Неля.

– А почему туркестанский? – спросил снова Федор.

– Не знаю, кажется, была такая страна до Катастрофы. А может, и не было. Может, этот Туркестан находится уже на границе с другим миром, откуда поезд приходит.

– Странная песня, – сказал Федор. – Я многого не понял в ней. Вот, например, почему этот парень так странно обращался к проводнику. Ты помнишь? Называл его господином и уверял, что ему не страшно умереть. Парень этого проводника впервые видел – какой он ему господин?

– Может быть, все дело в том, что проводник был в зеленой форме? – шепотом сказала Неля.

– Ну и что? – спросил Федор. Что-то в лице девушки показалось ему странным. Может, она не вполне нормальная?

Он таких уже видел – в подземке у многих ехала крыша. Буйных изолировали быстро, а тихих не трогали – иначе пришлось бы половину метро, наверное, запереть. А так – делает человек свое дело, и ладно, а тараканы у него в голове никого не касаются.

– Это был не простой проводник, – серьезно объяснила Неля. – Раньше так назывались люди, которые следили за порядком в поезде. Но ведь так зовут еще тех, кто может показать дорогу. Это был бог, он мог указать путь туда, где все осталось, как было.

– Провести по кругам ада, – добавил чей-то голос.

– В этом-то все и дело – ты должен понять, кто к тебе обращается. Узнать бога и довериться ему. Ты должен довериться проводнику. Экспресс – это поезд, который идет без остановок. Он забирает только тех, кто к этому готов.

– Эх, прошли те времена, когда боги запросто появлялись среди людей, заговаривали с ними, участвовали в их делах. Теперь неизвестно, остались ли они вообще. Может, умерли или ушли куда-то, – пробормотал тот же голос.

– И как же он узнал, что этот проводник – бог? Мало ли на ком зеленая форма? – упрямо сказал Федор. – Здесь полстанции в костюмах защитного цвета, так что ж теперь, они все – боги? – и он оглянулся, словно пытаясь угадать в ком-нибудь бога.

– Вполне возможно, что мужику на самом деле все померещилось, – примирительно сказал неизвестный снова. – Просто он изначально был на всю голову больной, да еще и выпил. Там же говорится в начале, что он в буфете купил вино. Вот и получил просветление, увидел бога. Хорошо хоть не черта. Он мог еще и не то увидеть под мухой.

– И зачем было об этом песню писать? – спросил Федор, пытаясь получше разглядеть говорившего при тусклом ночном освещении. Он увидел темноволосого мужика средних лет, худого, пожалуй, даже изможденного, который кутался в потрепанное черное пальто. На ногах

у него были выцветшие, вытянутые на коленях черные спортивные штаны в обтяжку и разбитые ботинки. Лицо было по-своему примечательным – острые черты, резкие складки у тонких бледных губ, слегка запавшие глаза, покрасневшие веки. Казалось, он не спал уже несколько ночей. Кому-нибудь он мог показаться даже почти красивым, но Федор почему-то сразу проникся к нему безотчетной неприязнью.

– Глупости ты говоришь, Фил, – неожиданно поддержала Федора Неля.

– Песни иной раз под настроение пишутся. Иную из прежних вспомнишь – там вроде и смысла-то особого нет. «Я еду домой, светит луна, я думаю о милом». А сейчас совсем по-другому ее слушаешь. Ночь, луна. Красотища-то какая! Не всем, кто родился в метро, удалось своими глазами увидеть луну, – примирительно сказал тот, кого называли Филом.

– А я и вправду раз или два слышала такой тяжелый стук – словно бы поезд идет поблизости. Может, этот экспресс уже прошел, но его никто не встречал, потому и не получилось ничего? – сказала Неля.

Федор вспомнил, что ему тоже почудился один раз тяжелый металлический лязг, похожий на мерный перестук колес.

– А я тут с умным человеком одним разговаривал как-то, – продолжал Фил, еще глубже закутавшись в свое черное пальто, – так у него выходило, что это нам только кажется, будто мы живем в метро. На самом деле мы-то как раз уже умерли и попали в чистилище. Ведь написано в одной книге, что вечность – это, может, что-то вроде банки с пауками. Вот мы как раз в такую банку и попали. И грыземся, как пауки в банке. По грехам нашим воздается нам.

Чувствовалось, что мысли эти он излагал уже не один раз, и теперь рад-радешенек был, что обрел нового слушателя в лице Федора.

– То есть получается, что на самом деле мы мертвые все? Ну, это ты загнул! – хмыкнул кто-то неподалеку.

– А куда ведет эта железная дорога – та, что наверху? – спросил Федор, не желая углубляться в философские споры, в которых ни черта не понимал. Его интересовали более практические вопросы.

Ему отозвался старик в дырявом ватнике:

– Это, стало быть, Казанское направление – значит, шли отсюда поезда с Казанского вокзала на восток – в Казань, на Урал, в Сибирь и еще дальше.

Федор подумал, что в песне тоже упоминался путь на восток.

– А с Курского вокзала куда поезда ходили?

– К югу. В Тулу, Курск, Орел.

– Говорят, на привокзальных станциях беспокойно людям живется, – пробормотал Федор.

– Правильно говорят, – согласился старик. – Потому что одно дело – город, другое – то, что вокруг. А за городом – лес. И еще неизвестно, что может прийти к нам оттуда. Люди проложили пути, вырубали кое-где леса, построили свои дома. Но чем дальше уходят пути, тем реже встречаются человеческие жилища. От одного до другого большого города – дикие леса. На окраинах городов кончаются владения человека. И теперь лес опять берет свое. Оттуда придут такие твари, какие нам и не снились тут, в городе. Сначала они убьют тех, кто еще пытается выживать в бункерах под Москвой, а потом возьмутся и за нас. Помяните мое слово – не зря тех мутантов с Павелецкой называют «приезжими».

– Не каркай, дед, – буркнул один из сталкеров. – И без тебя тошно.

– Что ты знаешь, мальчишка? Во Владимирской области, говорят, еще до Катастрофы в лесах видели крылатых змеев. Тебе даже в страшном сне не приснится, что там творится сейчас. Мы боимся тварей, которые живут наверху, но самое страшное однажды придет к нам из лесов. И будет такая война, что никому мало не покажется. Последняя война.

– Глупости ты говоришь, старик, даже слушать неохота, – снова вмешался сталкер – широкоплечий, с обветренным лицом. Судя по его независимому виду, он во всем привык полагаться лишь на себя. – Во многих городах были убежища на случай войны, там мог кто-нибудь спастись. У меня брат с семьей жил в Смоленске. Неохота думать, что он погиб. И не все города бомбили, где-нибудь в глухомани, думаю, люди и на поверхности могут жить.

– Да вон, пришел же весной человек из бункера в Жуковском. Как звали-то его... Сергей вроде? И туда отряд на разведку отправили – еще Доронин их вел.

– А-а, да по мне, хреновая была затея – половина отряда обратно не вернулась. Ну что такого в Подмоскovie есть, чего у нас нет? За каким лешим людей туда гонять, когда все можно здесь найти, если поискать хорошенько? Да что руководству – для них люди так, скот. Шлют на верную смерть почему зря.

– Да не ври-ка. Во-первых, там почти все были штрафники, наемники. Им за это срок скостить обещали. Да и вернулись они почти все, даже тот мальчишка, Денис, который с ними напросился.

– Вернулись, говоришь? Что-то я его на станции не видел давно.

– Да был он, я сам его видел, только недавно опять куда-то пропал.

– А я слышал, чудик один у себя на ферме на Клязьме живность экзотическую держал, – пробурчал кто-то. – Крокодилов там, страусов, верблюдов и еще кого-то. Вот интересно, где все эти милые зверюшки теперь? Тоже по лесам разбежались, наверное.

– Кое-какие твари из леса уже подтянулись сюда, – сообщил сталкер. – Волки иногда попадают. И такие они мерзкие стали, я как-то видел одного, сначала и не признал – вроде бы волк, а морда крысиная.

Разгорелся спор, из которого Федор узнал много интересного о волках и их повадках, хотя и не представлял себе, пригодится ли ему это когда-нибудь. Новое направление разговору дал подсевший к спорщикам Виталья.

– Да ладно зверюшки, – многозначительно сказал он. – Наверху есть и кое-что пострашнее.

– Ты про прядильщиц, что ли?

– Да чего ты заладил все про прядильщиц. Нет, я про заблудившийся автобус.

– Как это? – удивился Федор.

– Да вот, ходит тут, говорят, наверху автобус, – понизив голос, с таинственным видом произнес Виталья. – Старенький такой, ржавый. Идет себе, к примеру, сталкер по своим делам, и вдруг этот автобус подъезжает, раскрывает двери. А что внутри, кто за рулем – не видно, фары слепят глаза. Говорят, однажды шли двое, один – он отчаянный был – и кричит из озорства: «Шеф, подбрось в Сокольники». Взял да и запрыгнул внутрь. Автобус тут же двери закрыл, поехал куда-то в сторону Измайловского вала, и все, и больше того беднягу не видели. Ни в Сокольниках, ни здесь.

– А я стихи красивые читала в одной книжке, – сказала Неля. – Про заблудившийся трамвай.

– Не, трамвай может ездить не везде, а только по рельсам, да к тому же ему электричество нужно, – с умным видом заявил Виталья.

– Ну и придурок! Ты еще скажи, что автобус не может ездить без бензина! Как ты не врубаешься – это был не настоящий автобус! Откуда он приезжает, куда потом девается, кто за рулем сидит – того нам лучше не знать.

– Да и это не самое страшное, – сказал вдруг человек, сидевший до этого молча. – Есть здесь вещи и куда хуже... но о них нельзя говорить.

– Ты про хозяина, что ли? – спросил другой. На него тут же зашикали, испуганно озираясь.

Неля переводила глаза с одного рассказчика на другого. Федору захотелось снова привлечь ее внимание.

– А говорят, на станции Парк Победы живут дикари. Они поклоняются Великому червю, который роет подземные ходы. Одного из них удалось поймать, он и рассказал. И получается, что этот их Великий червь по описанию сильно смахивает на поезд.

Неля с любопытством поглядела на него. Федор неуверенно дотронулся до ее жилетки – ему давно хотелось это сделать. Ткань на ощупь и вправду была жесткой. Но девушка тут же отстранилась, сердито взглянув на него. Настроение ее вновь изменилось.

– Интересная жилетка у тебя... красивая... я и не видел таких раньше, – смущенно пробормотал Федор.

– Что, хочешь такую же своей подружке подарить? – ехидно спросила девушка.

– У меня нет подружки, – соврал Федор, чувствуя, как лицо его заливают румянец. Но девушка неожиданно сменила гнев на милость:

– Это гобелен, – неохотно пояснила она.

– Гобелен? – повторил Федор незнакомое слово, будто пробуя на вкус.

– Ну, материя такая.

– Красивая, – пробормотал Федор. – И ткань толстая – не сразу сносится.

– А главное, такой больше нет ни у кого, – не без гордости сказала Неля. – Только у начальника станции еще диван и стулья гобеленом обтянуты и две картины гобеленовые висят на стене – ему Данила принес.

– Значит, это редкость?

– Да я бы не сказала. Тут недалеко, на фабрике, еще полно всякого тряпья разноцветного. Только все боятся туда соваться. А Данила не боится, но он считает – это баловство. Лучше, мол, полезное что-нибудь сверху носить – еду, снарягу. Вот только начальнику принес гобелены эти – тот ему кучу патронов отвалил. Но один сталкер погиб во время той вылазки, и теперь Данила не хочет связываться. Говорит, не стоят тряпки человеческой жизни. Начальник, правда, пытался ему приказать, но Данила сказал – пусть других посылает. Сказал, что на фабрике завелось что-то нехорошее, и теперь туда без крайней надобности лучше не соваться.

– А тебе тоже он принес этот гобелен? – пробормотал Федор.

– Я сама взяла. Я с ними вместе ходила тогда.

Федор искоса посмотрел на девушку. Удивительно – ходит на поверхность и не боится. И так спокойно говорит об этом – он знал мужиков, которые и вполовину так храбры не были. Все в ней было необычным, даже имя.

– Значит, ты с Данилой ходишь на поверхность?

– Ну да, – невозмутимо ответила девчонка, словно это было самым обычным делом.

– Отчаянная, – сказал Федор. Вроде хотел похвалить, но получилось у него осуждающе. – И не страшно тебе?

– Сначала страшновато было, – призналась она, – а теперь ничего, привыкла. Наверху главное – глазами не хлопать, все замечать и соображать быстро. Зато интересно. Предки столько всякого хлама оставили, нужного и не очень – на наш век хватит разбираться. Ну, многое испортилось, конечно, сгнило, заржавело, но еще полно всего осталось.

– А за сколько времени можно добраться отсюда, к примеру, до Китай-города? – поинтересовался Федор.

– Если повезет, то за ночь, – ответила девушка.

– Так быстро? – удивился он.

– Я же говорю – это если повезет, – усмехнулась она. – Может что-нибудь помешать, тогда это надолго.

За разговором они и не заметили, что концерт закончился. Музыканту налили браги. Патронов, судя по всему, ему перепало немало.

Неля сразу словно потухла – лицо ее выглядело бледненьким и осунувшимся, под глазами залегли темные тени.

– Устала? – спросил Федор.

– Да, спать хочу ужасно. До завтра.

И не дожидаясь ответа, девушка скользнула куда-то между палатками, а Федор смотрел ей вслед, не пытаясь догнать. Странные и непривычные чувства его волновали, но разобраться в них он пока не мог.

* * *

На следующий день Федор проснулся поздно и как раз успел пообедать вместе с местными работягами. Отправившись бродить по станции, снова встретил Фила. Федор попытался расспросить его поподробней про старого Данилу.

– Нормальный мужик, – буркнул Фил, – но мы с ним как-то не особо общаемся.

– А девчонка эта – кто она ему? Она его дедом зовет – неужели и правда внучка? Ни за что бы не подумал.

– Не знаю, – почему-то нахмурившись, сказал Фил, – не интересовался. Но уж точно не внучка. Привел он ее откуда-то не так давно, с тех пор она и ходит с ним. Здесь ее не любят. Впрочем, здесь всех не любят, кто со странностями, – и он вздохнул.

Федор понял, что Фил испытал эту нелюбовь на собственном опыте.

– Но ты с Нелькой лучше поосторожнее, держись от нее подальше – тут про нее разное болтают. Я, конечно, слухам не очень верю, но нет дыма без огня. Девчонка интересная, конечно, красивая, смелая. Она мне чем-то напоминает актрису из старого фильма Годара, где еще играл молодой Бельмондо. А как ту актрису звали – не помню уже. Кажется, Джин. Вообще это ужасно – я скоро так все забуду из прежней жизни. А с девчонкой я как-то попытался поговорить, познакомиться, но она оказалась такой упертой, ограниченной, даже грубой. Есть в ней что-то фанатичное. Пока молчит – красавица просто, но только рот раскроет – все очарование сразу пропадает.

«На себя бы лучше посмотрел», – мрачно подумал Федор, которого неприятно задела мысль, что Фил, оказывается, пытался познакомиться поближе с Нелей. Правильно она сделала, что его отшила. Он вспомнил портреты актрис, которые видел в старых журналах, они казались ему очень, даже как-то волшебно красивыми. Неля вполне могла быть похожей на одну из них. Но в данный момент его больше волновало другое.

– Мне такую странную вещь сказали – будто старик с нечистой силой знает, – сознался он. Фил усмехнулся скептически.

– И ты поверил?

– Нет, конечно, – независимо сказал Федор.

– Ну и правильно, – сказал Фил. – Серый здесь народ. Им кажется странным, что Данила давно ходит наверх и до сих пор жив. Вот они и приписывают его удачу действию сверхъестественных сил. А у него просто феноменальное чутье, интуиция – потому и удается выбираться из переделок. Эх, я бы сам сходил на поверхность как-нибудь. Сам удивляюсь – откуда у меня такое желание? Я совсем маленьким был, когда Катастрофа случилась, и все же какие-то вещи помню. Как трава пахнет после дождя, как ветер волосы треплет. Теперь наверх не выйдешь без химзы, и каждый шаг караулят жуткие твари – так говорят сталкеры. И все же если б я решился снова подняться на поверхность, то только с Данилой. Последнее время все чаще меня тянет туда – словно кто-то зовет. Сны странные снятся. Утром проснусь – ничего не помню, только знаю, что надо выйти наверх.

Федор подумал и решил не говорить новому знакомому, что на днях, возможно, сам пойдет с Данилой в поход. Во-первых, он еще не решил, а во-вторых, чем меньше народу здесь

будет об этом знать, тем лучше. Да и вообще Фил не слишком ему нравился: Федор подумал, что мужик, наверное, отлынивает от работы под любым предлогом, раз в рабочее время шляется по станции и ведет досужие разговоры.

Нелю Федор увидел лишь вечером. На этот раз она выглядела сосредоточенной и серьезной, и настолько загадочный был у нее вид, что Федор сразу спросил:

– Что-то случилось?

– Костя не вернулся, – сказала Неля.

– Может, просто задержался и решил наверху передневать? – предположил Федор.

– Не знаю, – протянула девушка, – может, и так. А может, мы больше его не увидим.

– Думаешь, что-то случилось?

– Я не думаю, я чувствую. Что-то точно случилось, только не знаю – что. Может, его мутанты сожрали. А может, он просто дождался своего поезда. Сел на него, и теперь он уже далеко. Там, где Катастрофы не было.

– И город живой, – задумчиво произнес Федор. – Но тогда он должен и для нас быть живым?

– Нет, – сказала твердо Неля. – Понимаешь, Костя-то верил в это. Крепко верил. А если очень верить во что-то, оно может сбыться. У нас вера не твердая, мы во всем сомневаемся. И потому он мог дождаться, а мы – нет.

– Чушь это все, – неуверенно произнес Федор. – Скорее всего, он попал в передрагу и погиб.

– Не говори о том, чего не знаешь, – резко сказала Неля. – Мы многих вещей не можем понять. Но они все равно случаются.

И увидев его замешательство, неожиданно улыбнулась:

– Не парься, каждый верит во что хочет. Не хочу про это спорить с тобой. Если сможешь – сам поймешь, а никто другой тебе не поможет.

– Нет, спорь, пожалуйста, – взмолился Федор, увидевший, наконец, возможность найти общий язык с Нелей. Видимо, эта тема была ей интересна.

Федор еще ни разу не видел девушек, которые бы рассуждали о подобных вещах. Он вообще не думал, что с девушками можно говорить о таком.

– Давай лучше сходим к Костиной жене, я сделала его дочке куклу, – сказала Неля.

– Ты же говорила, что у него семья наверху осталась? – удивился Федор.

– Так ведь то было двадцать лет назад. Он другую семью завел, уже здесь. Не жить же человеку столько лет одному, – рассудительно сказала Неля.

Они подошли к старенькой палатке, и Неля, нагнувшись, негромко позвала:

– Даш, можно к тебе? Только я не одна.

– Заходи, тебе всегда можно, – донесся слабый голос изнутри.

В потрепанной палатке они обнаружили худую изможденную светловолосую женщину, кутавшуюся в длинный серый мужской халат, местами протершийся чуть ли не насквозь. Она лежала на дырявом матрасе, завернувшись в старенькое и невероятно грязное бело-розовое одеяло. Лица ее Федор не разглядел толком в полутьме. Рядом тихонько возились бледненькие чумазые дети, мальчик и девочка. Мальчик в толстовке защитного цвета и черных спортивных штанишках, которые были ему коротки, лежал в ногах у матери. Его лысая голова была покрыта болячками. Девочка была в длинной рубаше, подпоясанной обрывком веревки. На вид мальчику можно было дать года четыре, девочка, судя по всему, была старше, но возраст ее определить было трудно. При виде гостей женщина приподнялась было.

– Опять болеешь? Лежи, лежи. Смотри, что я принесла.

Неля достала из кармана кулек, протянула детям. Те с удовольствием принялись похрустывать сушеными грибами.

– И это тоже вам, мелкие, – сказала Неля, достав из кармана свернутую из пестрых лоскутков куколку. Девочка восторженно взвизгнула.

– Береги ее, – тихонько сказала Неля. – Это на удачу. А куда ты другую куколку дела? Которую я тебе раньше давала?

Девочка шмыгнула носом:

– Ее мама отняла и бросила в костел.

У лежавшей слабый румянец вспыхнул на лице.

– Я случайно, – пробормотала женщина.

– Не веришь мне, – укоризненно сказала Неля.

– Надо было ту куколку папе отдать, чтоб с собой всегда носил, – повернулась она к девочке. – Если б папа твой меня послушал... – но тут она вдруг осеклась, замолчала.

Девочка схватила коробку и стала показывать Неле и Федору свои сокровища – осколки цветного стекла, гладкий овальный камешек, синюю пластмассовую крышечку. Мальчик замычал, потянулся к интересным штучкам, повернувшись к Федору лицом. Тот ахнул – вместо одного глаза у ребенка была уродливая опухоль. Разглядывая его лицо, Федор не сразу обратил внимание на руки – пальцы на одной срослись, и конечность больше была похожа на клешню. Но кроме Федора, казалось, никто не обращал внимания на уродство ребенка. Девочка, которая, видно, верховодила, стукнула малыша по грязной ручонке:

– Тили, не лезь!

– Как тебя зовут? – спросил Федор.

– Селсея, – важно произнесла маленькая замарашка. Исковерканное ребенком имя, как смутно припомнилось Федору, принадлежало героине какого-то старого фильма или книги, даже, кажется, королеве. Федор вгляделся в лицо девочки.

«Да ведь она была бы красавицей, если б ее отмыли», – потрясенно подумал он. Огромные голубые глаза, светлые кудряшки, аккуратный носик – и невероятно чумазые, воспаленные щеки. Руки у малышки тоже были маленькие, пальчики крошечные, аккуратные, но уже шероховатые, все в заусенцах, цыпках и царапинах.

– А это Тилион, – показала она на брата. – Папа сколо плидет и плинесет иглушки.

Говорила малышка бойко, но очень невнятно – словно каши в рот набрала. Теперь Федор решил, что девочке, наверное, лет восемь или десять, просто она мелкая и тонкокостная. А шепелявит и коверкает слова из-за какого-то врожденного дефекта.

Лежащая женщина судорожно вздохнула. Неля присела рядом.

– Ну не надо, Даш, не плачь. Может, он завтра вернется.

– Каждый раз, как я провожала его наверх, у меня сердце ныло, – обреченно сказала женщина. – А в этот раз – особенно. Это ужасно – так жить. Мои дети были ему не нужны. Он все время думал о тех, которые остались наверху. Теперь он присоединился к ним, наверное. Но как мы будем жить, чем мне их кормить теперь? – и она кивнула на малышкой, сосредоточенно разглядывавших новую куклу.

– Ну, полно, – сказала Неля. – Найдутся добрые люди, помогут.

Но Даша лишь качала головой.

– Может, какой-то паек за мужа и дадут, наверное, – пробормотала она, – но только чтоб ноги не протянуть. А они растут, им надо есть побольше. Я болею, работать не могу. И нового мужа мне не найти – больной, да еще с двумя ртами. А он совсем не думал о нас. Словно бы нарочно смерти искал – вот и нашел.

Неля терпеливо слушала. Потом ободряюще потрепала женщину по плечу.

– Не бойся! Честное слово даю – о тебе позаботятся. Веришь мне?

Глаза у Даши радостно вспыхнули, они с Нелей обменялись быстрыми взглядами.

– Обещаешь? – спросила вдова, впившись в девушку взглядом.

– Обещаю, – после паузы твердо сказала Неля, чуть нахмурившись при этом.

Сейчас она уже не похожа была на умирающее, бледное растение. Наоборот, Федор вдруг понял, сколько скрытой силы в этой девушке. Может быть, какая-то болезнь и подтачивала ее, но сдаваться она не собиралась. Федор хотел спросить, чью помощь так уверенно обещала она подруге, но передумал. Он чувствовал – Неле есть что скрывать, но это, как ни странно, еще больше привлекало его в ней.

Даша облегченно бормотала слова благодарности, угодливо улыбаясь. Федору ее улыбки казались приторными, и он был рад, когда они с Нелей выбрались, наконец, из этой палатки.

– Хорош твой Костя, – раздраженно буркнул он. – Зачем было семью заводить, если ему на них плевать? Жил бы один, а других не заставлял вместе с ним мучиться.

– Не надо так говорить, когда не знаешь всего, – тихо сказала Неля.

– Да и она хороша, – продолжал кипятиться Федор. – Она переживает только за себя, а Костю-то ей, кажется, вовсе не жаль.

– А зачем его жалеть? – удивилась Неля. – Его нужно жалеть, если он лежит где-то раненый. Но мы ведь все равно ничем не можем ему помочь. А если его уже нет в живых, то жалеть его не надо. Ему все равно лучше, чем нам, он уже не мучается. А если он и вправду дождался своего поезда – тогда нужно радоваться за него.

Федор слегка опешил. Ему никогда в голову не приходило рассматривать вещи с этой точки зрения. Ему казалось, что живым быть всяко лучше, чем мертвым, а вот Неля, видно, считала иначе.

– Не нравится мне эта его жена, – сказал Федор, – не думаю, что она уж так больна. Просто притворяется, на жалость бьет, чтоб выпросить чего-нибудь.

Неля вдруг сердито глянула на него:

– Откуда ты знаешь? Сам бы попробовал двух детей растить.

– Плохо она о них заботится, – фыркнул Федор, – дети тощие, одеты кое-как, девчонка вообще в обносках материнских.

– Зато она их не бросила. Лучше уж такая мать, чем никакая, – огрызнулась Неля. – У нее мальчишку давно хотят отобрать – видел, какой он?

– Его что – убить хотят? – похолодел Федор. Хоть он и пришел в ужас при виде маленького уродя, но у него в голове не укладывалось, что можно хладнокровно вынести приговор ребенку, хотя понятно, что для матери он был лишь обузой.

– Ну, может, не убить, а мутантам отдать, которые наверху живут, – нехотя сказала Неля.

– Я слышал, мутанты живут на Филевской линии, – сказал Федор.

– Они много где живут, – буркнула Неля, – говорят, их община есть где-то в районе Измайловской, и некоторые сталкеры даже ведут с ними дела. Дашке предлагали забрать у нее мальчишку, отнести мутантам. Но Дашка не отдает, все тянет – говорит, мал он еще. Говорит, его вообще убить хотели, когда он только родился, и увидели, какой он. А она его отстояла.

– Да чего ты так раскипятилась-то, – удивился Федор. – Сначала сама говоришь, что иногда лучше умереть, чтоб не мучиться. И тут же наоборот – переживаешь, что мальчишку хотели избавить от страданий.

Девушка закусил губу. Потом вдруг фыркнула.

– Да, тут ты меня подловил, – признала она. – Просто мне детей почему-то всегда жалко – они маленькие, не понимают еще, за что им это.

– Всех не пережалеешь, – философски заметил Федор, довольный, что хоть в чем-то одержал верх над ней, и она сама это признала.

– Ладно, проехали, – сказала она, насупившись. – Просто Дашка одна ко мне тут относится нормально, остальные все шарахаются, хуже, чем от чумной. Она, конечно, тоже со своими закидонами, но она мне нравится – хотя бы за то, что поступает, как хочет, и плевать хотела на остальных.

«Неудивительно, что от тебя люди шарахаются, если ты каждому так грубишь», – подумал Федор.

Неля вдруг шагнула в сторону, прислушалась. В одной из палаток что-то рассказывала женщина – нараспев, видно, убаюкивая ребенка.

– Было то на Москве в стародавние времена. Правил тогда грозный царь, все по-своему переиначивал, на иноземцев глядя. И был у него советник – Лефорт. Был Лефорт другом и помощником царя во всяких делах, непростой был человек, умел царю угодить и глаза отвести.

Неля рванула полог, сунулась внутрь, женщина внутри вскрикнула:

– Кто это? Чего тебе нужно, малахольная? Вон, ребенка переполошила, не уснет теперь.

Раздался детский плач, женщина зашикала. Несколько человек оглянулись было на шум, но вскоре потеряли всякий интерес к происходящему – подумаешь, бабьи разборки. Вскоре ребенок затих – видно, успокоился. Федор остался возле палатки, в которой скрылась Неля, и ему был слышен весь разговор.

– Ты чего сейчас рассказывала? – спрашивала Неля.

– Твое-то какое дело? Сказку дитю на ночь.

– А откуда ты знаешь эту сказку? Кто тебе ее рассказал?

– Никто. Чего привязалась? Сейчас закричу, людей позову.

– Не надо, – умоляюще сказала Неля. – Вот, возьми. Это для мелкого.

– С чего бы ты вдруг добрая такая? – настороженно спросила женщина.

– Я еще дам, только расскажи мне эту сказку.

Федор переминался с ноги на ногу. Уходить не хотелось, но и стоять так было неловко. Он опустился прямо на пол, делая вид, что ему в ботинок что-то попало. Тем временем женщина в палатке сменила гнев на милость. И снова монотонно завела нараспев:

– И еще познакомил Лефорт царя с прекрасной Анхен, ради которой тот и царицу свою забыл, и в ссылку сослал. Здесь поблизости как раз иноземная слобода была, где и жила Анхен, дочь торговца. Царь таких и не видел раньше – он привык, что женщины все больше взаперти сидели, на глаза мужчинам чужим не показывались. А Анхен красавица была, пела, плясала, и царь совсем голову потерял. Зря царица слезы лила – отослал он ее от себя. Люди даже говорили – Лефорт и Анхен царя колдовством опутали. Говорили – Анхен прежде тайно с Лефортом жила и все делала, что он велит.

И решил Лефорт построить себе красивый дворец – для того, мол, чтоб не стыдно было принимать в нем царя. Построил, да только не довелось ему в том дворце пожить. После шумного новоселья месяца не прошло – умер он от горячки. А перед смертью собрал он вокруг себя гуляк, музыкантам велел играть, и сам сорвался с кровати полуживой, синий, страшный, да заплясал – видно, был тот Лефорт если уж не сам дьявол, то с нечистой силой хорошо знаком.

После смерти его ослабили чары Анхен. Царь уезжал часто, а она полюбила другого и не сумела этого скрыть. Царь прознал и велел отрубить ей голову, а Лефорта уже не было, и некому было за нее заступиться – тут и конец ей, ведьме, пришел. А во дворце потом жили другие, но было на нем проклятие, и теперь стоит он разрушенный. Люди говорят, в лунные ночи до сих пор появляются призраки в том проклятом дворце и продолжают там дьявольские пляски. Если кто из живых случайно зайдет на огонек – больше его не увидят. Призраки увлекут его в пляс, захороводят, до смерти замучают.

Женщина замолчала. Зато ребенок снова начал всхлипывать – наверное, от страха.

«Да, – подумал Федор, – если б мне мать такое на ночь рассказывала, я б не заснул». А впрочем, пусть бы только жива осталась – что угодно бы слушал. Только смешно было слушать про разрушенный дворец – теперь ведь почти все дома на поверхности разрушены, и в каждом – свои покойники. Получается, призраки там должны кишмя кишеть.

Тут вновь раздался голос Нели:

– Кто тебе это рассказал?

– Никто. Сама прочитала в книжке. Я читать умею, когда Катастрофа случилась, мне восемь лет было, – с некоторой гордостью пояснила женщина. Действительно, здесь, в подземке, не все могли уже этим похвастаться.

– Можешь книжку показать?

– А тебе зачем?

– Покажи. Если понравится, куплю у тебя.

Шорох. Шелест страниц. Голос Нели.

– Продай ее мне. Ты все равно уже прочитала. И для ребенка она не годится. Я ему другую достану, лучше.

– А сколько дашь?

– Тридцать патронов хватит?

Федор уже успел снять, осмотреть и вновь надеть оба ботинка. Теперь он делал вид, что отдыхает. Ну, мало ли – устал человек, присел на пол, да и задумался.

– Маловато будет, – протянула женщина, хотя цена была более чем щедрая, и Федор мог бы поклясться, что сказочница и столько выручить не надеялась за такой бесполезный предмет. – Тут ведь картинки есть, вот погляди.

– Ну, давай за сорок, – согласилась Неля.

– Пятьдесят! – твердо произнесла женщина, решив извлечь из сделки как можно больше.

– Ладно, – согласилась Неля. – Только у меня с собой нет, погоди, я принесу.

Она стремительно выскочила из палатки – Федор еле успел отшатнуться, иначе Неля налетела бы на него.

Апатии как не бывало – девушка быстро пробиралась между палатками. Федор и оглянуться не успел, как она вернулась обратно. Вновь нырнула внутрь, а потом появилась с книжкой в руках. Книжка была сильно потрепанной, на обложке была нарисована, судя по всему, женщина в красивом платье. Федор подумал, что платье странное, очень пышное – вроде бы перед самой Катастрофой люди одевались не совсем так, а то все время мешали бы друг другу пройти.

Неля снова была как сонная. Федор похлопал ее по плечу – и лишь тогда она его заметила.

– Пойдем, – сказала она. – Ты читать хорошо умеешь?

– Умею более-менее, – сказал Федор. Читать его выучили мать с бабкой еще до Катастрофы, а в школу он пойти так и не успел.

– Почитаешь мне? – сказала девушка и даже улыбнулась просительно. В чуть раскосых глазах опять зажглись искорки. – Я читать не так давно научилась, – виновато пояснила она. – Стихи еще могу, а когда большую книжку начинаю, то устаю быстро.

– О чем разговор – конечно, – сказал обрадованный Федор. На его взгляд, это была отличная возможность завоевать ее доверие.

Неля оглянулась, выбирая местечко посветлее. Они уселись на пол, Федор опять постелил для нее свою жилетку. Раскрыл книгу и начал читать, а девушка доверчиво склонилась к нему так, что ее короткие светлые волосы иногда щекотали его щеку. Она разглядывала строчки через его плечо и слабо шевелила губами, словно проверяла, правильно ли он читает.

Федор сначала спотыкался – книжка была написана каким-то мудреным языком, и он не понимал половины. Понял, что говорилось о каком-то царе – как он возвращался в Москву к нелюбимой царице брить бороды боярам. Про царя и бояр Федор слышал от матери – с детства намертво врезалось в память, как читала сказку мать:

Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу, и приплод

Тайно бросить в бездну вод⁴.

С боярами, стало быть, какая-то ясность была – они служили царю для особо сомнительных и гнусных поручений. А теперь выяснилось к тому же, что были они все поголовно бородаты. Читая дальше, Федор убедился в правильности своей догадки – бояре и тут подгадили, уговорили царицу отправиться в монастырь, чтобы царь мог без помех встречаться с другой, с чужеземной красавицей, дочерью торговца. Федор поделился с Нелей своим возмущением, но она, как оказалось, его не разделяла.

– Монастырь – это хорошо, – сказала она. – Там праведные люди живут в тишине и покое, молятся богу. Мы с дедом видели один монастырь на реке – стены белые, высокие, башни крепкие. Наверняка там и подземелья есть, мне даже кажется, там и теперь кто-то живет. Читай дальше.

Понемногу Федора увлек рассказ о делах давно минувших дней. Он читал о том, как жили иноземцы в своей слободе, что была на окраине тогдашней Москвы, – открыто, весело. Как сажали цветы во дворах, устраивали праздники, сходились вместе каждый вечер. И как тянуло к ним молодого царя, тяготившегося старыми порядками. Еще и потому тянуло, что повстречал он там Анхен, дочь торговца, сравниться красотой с которой никто не мог.

Неля слушала как завороженная. Но вскоре глаза у Федора начали слипаться, а ведь это было еще только начало.

– Ладно, завтра дочитаешь, – с досадой сказала девушка. Федор проводил ее до палатки старика, попрощался и тоже отправился спать. В конце станции были оборудованы многоярусные нары, и ему удалось по сходной цене снять одно место.

* * *

Проснувшись, Федор спохватился, что чуть не натворил вчера глупостей. Разумеется, он никуда не пойдет с этим непонятным стариком и грубоватой девчонкой, у которой явно едет крыша. И он был тверд в своем решении – по крайней мере, до обеда. А потом ему снова захотелось увидеть Нелю. Она не показывалась, и он слонялся по станции, выдумывая предлоги, чтобы зайти к Даниле.

В конце концов он решил, что повод у него есть – расспросить Данилу о намечающемся путешествии. Когда Федор был уже поблизости от палатки старика, до него донеслись оттуда негромкие, но сердитые голоса. Заинтересовавшись, он решил послушать, о чем они так спорят. Удалось расслышать не все, но в итоге он понял, что Неля с кем-то поссорилась на станции, а старик распекает ее за это:

– Ну, и зачем ты его укусила? – спрашивал Данила. – Он говорит, ты чуть ухо не отгрызла ему.

– Дед, да врет он, не слушай его. Не кусала, только оцарапала слегка.

«А девушка-то не промах, умеет за себя постоять», – подумал Федор. Почему-то ему понравилось, что у Нели, судя по всему, есть характер.

– Он сказал, ты его чуть без глаза не оставила, все лицо располосовала, – упрекал старик.

– Так я за дело, дед. Он знаешь, как назвал меня – шлюхиным отродьем.

Старик некоторое время молчал. Потом тяжело вздохнул:

– Ну и что? С тебя убудет, что ли? Мало ли идиотов здесь? Я тебе говорил – тебе надо сидеть тихо и не высовываться. Тебя здесь терпят только из-за меня, из-за того, что я здесь кое-кому нужен. Случись что со мной – тебя вышвырнут мигом.

– Да знаю я, дед. Но зачем он так?

⁴ Цитата из «Сказки о царе Салтане» А. Пушкина.

– А черт его разберет! – с неожиданной злостью сказал Данила. – Может, понравилась ты ему, и он так свои чувства демонстрирует. Щенок! Я б ему уши надрал, но нельзя, нельзя нам светиться. Нельзя в разборки всякие вступать – не в таком мы положении, и так на нас тут косо смотрят. Тем более он – сын начальника караула, а ты тут кто?

Девушка лишь ожесточенно сопела в ответ.

– Ладно, забыли, – сменил гнев на милость старик. – Ты когда мне заплатку поставишь уже – так мне и идти с продраным локтем?

– Да я сейчас, дед, уже почти все.

Федор решил, что можно уже и заглянуть, покашлял у входа. Неля сидела и сосредоточенно что-то зашивала в полутьме, близоруко щурясь, на него едва взглянула.

– Ну что, надумал? – спросил старик.

– Не знаю, – сказал Федор. Показалось ему, или девушка вздрогнула.

– Хорошо, – кивнул старик, – подумай как следует. Время у тебя есть до завтрашнего вечера. Потом мы уйдем – с тобой или без тебя.

Федор вылез из палатки, вслед за ним тут же выбралась Неля.

– А зачем ты так спешишь на Китай-город? Тебя там кто-то ждет?

– Да нет, просто дела там, – невнятно промямлил Федор. Почему-то ему не хотелось упоминать про Веру.

– Вообще-то лучше бы тебе не ходить с нами, – сказала вдруг Неля, пристально на него глядя.

– Почему? – удивился Федор.

– Наверху опасно. Ты можешь не дойти. Не знаю, что ты натворил и от кого бежишь, но лучше отсидись тут, а потом возвращайся через Ганзу.

– Но ты же не боишься ходить наверх? – обиделся почему-то Федор.

– Я – другое дело. Я не раз уже там была, – произнесла девушка. Но в печальном взгляде Федор прочел другое: «Я никому не нужна, никто не будет беспокоиться, даже если погибну». У него защемило сердце.

– Спасибо за предупреждение. Я подумаю, – сказал он. На самом деле ее уговоры возымели обратное действие. Ему из упрямства захотелось теперь идти с ними.

* * *

Вечером он снова бродил по станции, но Неля не показывалась – видно, собиралась в дорогу. Федор подумал, что она уйдет со стариком неизвестно на сколько, и он ее, может, никогда больше не увидит. Он сам не понимал, почему его это так беспокоило. Раздосадованный, он лег спать, так и не увидев девушку. И еле дождавшись утра – хотя утро на станции было понятием относительным, разве что включали более яркое освещение, и первая смена выходила в цех на работу, – отправился к старику.

Когда он заглянул в палатку, Данила, казалось, дремал, а Неля что-то складывала в рюкзак. Она не удивилась его появлению.

– Все-таки решился? – сказала она.

Он подумал, что девушка снова начнет его отговаривать, но у нее, казалось, опять изменилось настроение. Она была сосредоточенна и серьезна и говорила лишь о практических подробностях – что надо взять из продуктов и как себя вести, оказавшись наверху.

– Еще Фил с нами пойдет, я слышала, он просился у Данилы, – сказала она как бы невзначай. – Сказал, что хочется ему опять увидеть деревья, траву – хоть бы и при свете луны.

– Фил – это прозвище? А как его зовут на самом деле?

– Вообще-то Филиппом. Но старик его чаще кличет Философом, – пояснила Неля.

– А что, Данила всех, кто ни попросит, с собой берет? – удивился Федор. Фил вовсе не производил впечатления человека, способного хорошо чувствовать себя на поверхности.

– Нет, не всех, – сказала Неля.

– Почему ж его берет? Он же, скорее всего, только мешать будет.

Неля пожалала плечами. У Федора создалось впечатление, что она что-то знает, но молчит.

– Ладно, мне еще собираться надо, – сказала она, – вечером к нам приходи.

Федор отправился бродить по станции и вскоре наткнулся на Виталю.

– Ну что, пойдешь со стариком в поход? – спросил тот.

Федор удивился, как быстро здесь расходятся слухи – он и сам еще сомневается, а другие уже лучше него все знают.

– С вами, говорят, еще этот, бездельник малахольный, собирается, – проворчал Виталья. – Вот не понимаю, зачем старик его-то берет. Он вам только мешать будет. Странно – старик вроде просто так ничего не делает.

Федор пожал плечами:

– Может, на что-то этот бездельник и способен. Откуда мне знать – я тут человек новый.

– Да никчемный он совсем, – фыркнул Виталья. – Сидит сиднем, наверху после Катастрофы и не бывал ни разу, от работы отлынивает. Живет с теткой какой-то, та его и подкармливает. Что только нашла в нем? Но и ее он уже достал – говорят, чуть что, она его сковородкой лупит, редкий день без скандалов у них обходится.

– Ну, теперь понятно, почему он в поход собрался, – развеселился Федор. – Если ему все едино от удара сковородкой помереть суждено, так уж лучше перед смертью на воле побывать.

– А я вообще не знаю, чего ему наверху надо, – проворчал Виталья. – Ладно бы еще храбрый был, а так – ни богу свечка, ни черту кочерга. Какая крыса его укусила? Наверху и не такие пропадали. Слыхал про Костю-то?

– А что, так и не вернулся? – спросил Федор. Виталья развел руками:

– Не-а. И теперь уж, видно, с концами. Дашка рыдает – ей одной теперь детей поднимать. Да ведь дура она. Говорили ей – от сталкеров если вообще что-то и родится, то разве что уроды шестипалые. Но она умных людей не слушала, вот и расхлебывает теперь. Одного ребенка, говорят, вообще не доносила, скинула на шестом месяце. А другого хоть и живым родила, да тоже не на радость. Видал ее мальчишку?

Федор кивнул.

– Только девчонка вроде нормальной получилась – да и то вроде соображает не так, чтоб очень, – рассуждал Виталья.

«Ты, можно подумать, лучше всех соображаешь», – внутренне вскипел Федор, глядя в покрасневшие, с сеткой лопнувших сосудов, хитрые глаза Витали. А тот продолжал:

– Оно, конечно, парнишка не виноват, что таким родился, надо было матери раньше головой думать. Но у Дашки мозгов всегда маловато было, с самого детства она на сталкеров заглядывалась. А уж когда постарше стала – вообще беда. Ни одного не пропускала: будь ты хоть какой, хоть косою, хоть кривою на один глаз, хоть горбатый, но если на поверхность ходишь – для Дашки ты герой. Сразу у нее крышу сносило. И дети у нее все от разных отцов. Первым самым, который не выжил, ее Витька наградил – и погиб тут же, даже раньше, чем она ребенка скинула. Вторая – девчонка – от Олега Кувалды, тот пару лет прожил с ней. А потом тоже не вернулся с вылазки однажды. К Дашке даже прозвище потом приклеилось – Черная Вдова. А пацан – Костин. Не побоялся Костя слухов, а может, ему все равно было. А зря – народ просто так прозвище не даст. Вот теперь и сам ушел – далеко, туда, где ни печали, ни вздыханий... наверное.

«Интересно, – подумал Федор, – что же так ее привлекает в сталкерах? Романтика эта? То, что они носят оружие, сражаются с мутантами? Или тут чисто практический интерес – они ведь могут приносить с поверхности всякие интересные штучки, каких больше ни у кого нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.